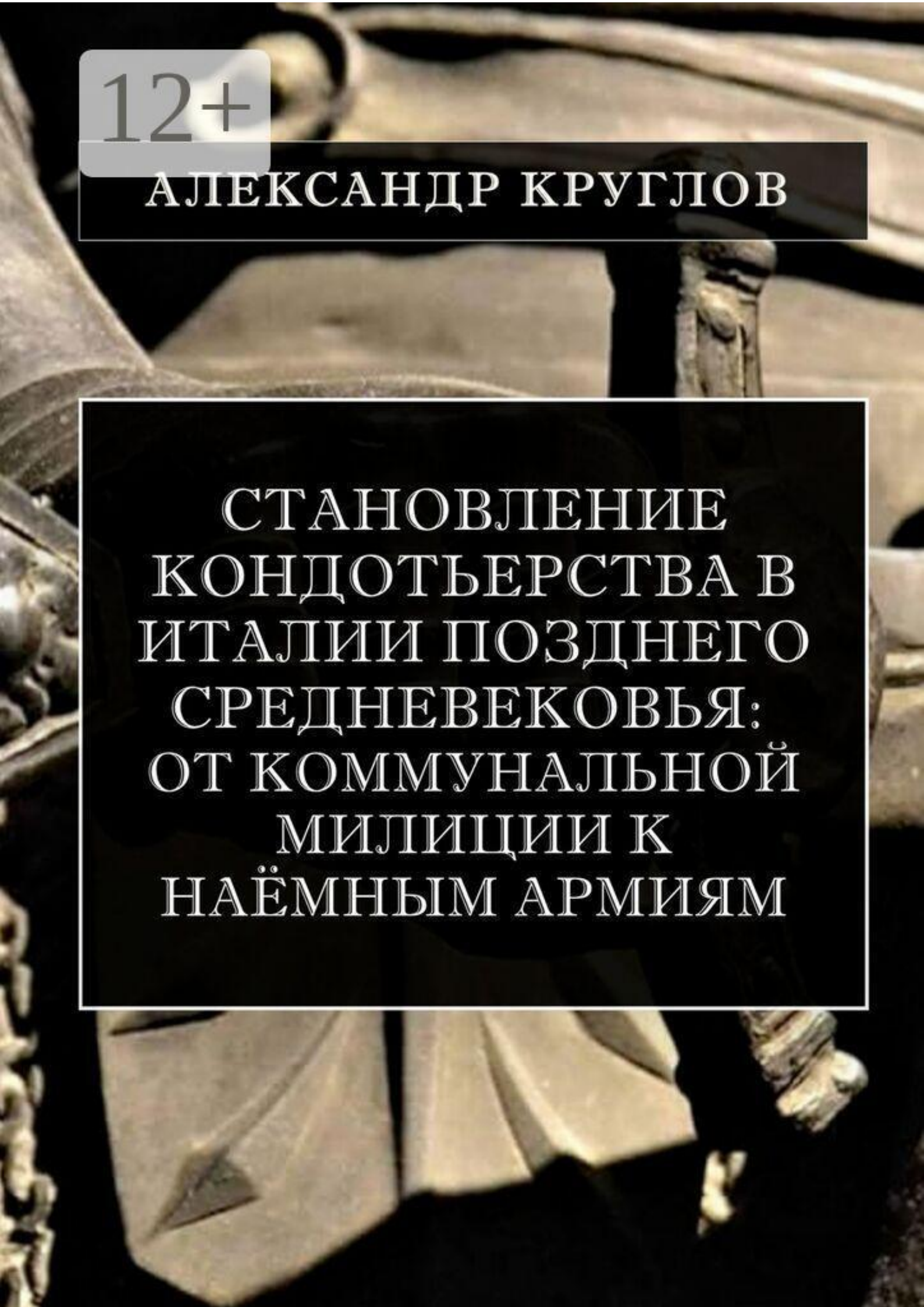

12+

АЛЕКСАНДР КРУГЛОВ

СТАНОВЛЕНИЕ
КОНДОТЬЕРСТВА В
ИТАЛИИ ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ОТ КОММУНАЛЬНОЙ
МИЛИЦИИ К
НАЁМНЫМ АРМИЯМ

Александр Круглов

**Становление кондотьерства
в Италии позднего Средневековья:
от коммунальной милиции
к наёмным армиям**

«Издательские решения»

Круглов А.

Становление кондотьерства в Италии позднего Средневековья:
от коммунальной милиции к наёмным армиям / А. Круглов —
«Издательские решения»,

Монография посвящена становлению кондотьерства в Италии XIV–XV веков как формы войны, политической службы и военного предпринимательства. Рассматриваются кризис коммунальной милиции, наемные армии, кондотты, организация и снабжение войск, дисциплина и роль свободных компаний. Через биографии Угуччоне делла Фаджиолы, Лодризио Висконти, Каструччо Кастракани и Джона Хоквуда показана эволюция кондотьера в самостоятельную политическую силу.

© Круглов А.

© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. Что такое кондотьер? Контракт, войско, война	9
Феномен кондотьерства в Италии XIV — XV веков	9
Кондотта — контракт на войну	10
Смотры и административный контроль: от слов к делу	12
Войско кондотьера: структура и состав	14
Содержание войска: плата, снабжение и дисциплина	22
Практика войны: манёвры, сражения и грабежи	26
Риски ремесла: опасности на поле боя и вне его	28
Глава 2. Закат коммунальной милиции: истоки наёмничества	30
От гражданского долга к наёмному ремеслу	30
Золотой век коммунальной милиции: организация и символы (XII — XIII вв.)	31
Первые трещины в системе (конец XIII — начало XIV вв.)	35
Социально-экономические трансформации и упадок милиции (XIV в.)	38
Зарождение наёмных армий: от ополчения к контракту	40
Глава 3. Свободные компании: анархия и становление	42
Эпоха свободных компаний	42
Великие компании и их лидеры	44
Прибытие «англичан» и трансформация войны (с 1361)	48
Глава 4. Угуччоне делла Фаджиола	50
Молодость и первые успехи	52
Кампания в Романьи и гнев Святого престола	54
Союз с белыми гвельфами и история о Данте	56
Подозрения Папы и изгнание из Ареццо	59
Смерть императора и новое назначение	62
Пизанские кампании 1313—1314 годов	64
Странный мир	68
Неспокойный мир и гибеллинский гнев	70
Крах перемирия и захват Лукки	72
Архитектор власти	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Становление кондотьерства в Италии позднего Средневековья: от коммунальной милиции к наёмным армиям

Александр Круглов

© Александр Круглов, 2026

ISBN 978-5-0069-9657-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная монография посвящена происхождению и раннему развитию кондотьерства в Италии XIV — XV веков как особой формы организации войны, политической службы и военного предпринимательства. На широком историческом материале автор рассматривает кризис коммунальной милиции, формирование наемных армий, практику заключения кондотт, структуру и снабжение войск, дисциплину, осадную и полевую войну, а также роль свободных компаний в трансформации военного порядка Апеннинского полуострова. Особое место в книге занимают биографические исследования Угуччоне делла Фаджиолы, Лодризио Висконти, Каструччо Кастракани дельи Антельминелли и Джона Хоквуда (Джованни Акуто), через судьбы которых показано превращение кондотьера из наемного капитана в самостоятельного участника борьбы за власть, территорию и политическое влияние. Книга сочетает военно-исторический, институциональный и историографический подходы и предназначена для историков, медиевистов, специалистов по Италии и всех, кто интересуется войной и политической культурой позднего Средневековья и раннего Возрождения.

ВВЕДЕНИЕ

Частные военные компании, действующие по контракту наряду с регулярными армиями, — феномен не только нашего времени. Кондотьеры Италии XIV—XV веков были прямыми предшественниками современных частных военных компаний, предлагая свои услуги тому, кто платил больше, и превращая войну в ремесло, бизнес и порой в путь к власти. Их история — это история профессионализации военного дела в эпоху, когда гражданская доблесть уступала место расчётливому прагматизму.

Феномен наёмничества, разумеется, не был уникальным для Апеннинского полуострова. Профессиональные воины и их предводители встречались по всей средневековой Европе — от английских *free companies* времён Столетней войны до германских *söldner* и *landsknechte*. Особое место среди них занимали швейцарские *reisläufer* — элитная наёмная пехота, чьи новаторские тактические приёмы и плотные копейные построения доминировали на полях сражений позднего Средневековья и раннего Ренессанса. Однако именно в политически раздробленной Италии XIV и XV веков наёмничество достигло своего апогея, превратившись из военной практики в подлинный институт, определявший характер конфликтов, логику политической жизни и даже социальную структуру эпохи. Это не случайность географии или климата. Это следствие уникального стечения обстоятельств, которые сделали Апеннинский полуостров классической землёй кондотьеров.

Чтобы понять, почему это произошло именно здесь, необходимо взглянуть на ту политическую мозаику, которую представляла собой Италия в эти два столетия. Страна оставалась лишь географическим понятием и смутным воспоминанием о давно угасшей Римской империи. Италия XIV — XV веков представляла собой политическую мозаику, состоявшую из множества независимых или полунезависимых государственных образований, каждое из которых ревниво охраняло свой суверенитет, историю, традиции и вело собственную внешнюю политику. Фактическое угасание имперских притязаний Гогенштауфенов к середине XIII века и неудача последующих попыток императоров Священной Римской империи утвердить своё господство на полуострове оставили Италию без общего политического центра. Папство, претендовавшее на верховную власть в Церковном государстве и моральное лидерство во всём христианском мире, в действительности контролировало лишь часть Центральной Италии и само периодически становилось жертвой внутренних смут и внешнего давления. Авиньонское пленение пап (1309—1377) и последовавшая за ним Великая Схизма (1378—1417) лишь усугубили хаос.

В этих условиях на полуострове сформировалось несколько крупных региональных держав, каждая из которых стремилась к гегемонии, но ни одна не обладала достаточными ресурсами для её достижения. На севере доминировал Милан, находившийся под властью династии Висконти, а с 1450 года — Сфорца. Милан был богатейшим и наиболее милитаризованным государством Северной Италии, располагавшим плодородными землями Ломбардии и развитым ремесленным производством, в особенности оружейным делом. Миланские герцоги вели агрессивную экспансионистскую политику, стремясь подчинить себе соседние города и синьории¹. Их главными противниками были Венеция на востоке и Флоренция на юге.

Венецианская республика, морская торговая держава, традиционно сосредоточенная на Средиземноморье и Леванте, в XV веке начала активную экспансию на *terraferma* — материковую Италию. К середине столетия Венеция контролировала обширные территории от Фриули и Истрии до Бергамо и Брешии, бросая вызов миланскому господству. Венецианская система управления наёмными армиями, основанная на длительных контрактах и пожизненных назна-

¹ Именно синьорий, а не сеньорий. От итал. *signoria*, т.е. господство власти.

чениях капитанов-генералов, стала образцом для других итальянских государств. Флорентийская республика, богатейшая благодаря банковскому делу и ткацкому производству, доминировала в Тоскане, хотя и сталкивалась с постоянным сопротивлением соседних городов — Пизы, Сиены, Лукки, Ареццо. Флорентийцы предпочитали дипломатию и золото открытой войне, но, когда дипломатия не помогала, они нанимали лучших капитанов своего времени — Хоквуда, Сфорца, позднее Федерико да Монтефельтро.

Папское государство, простиравшееся через Центральную Италию от Лацио до Романьи, раздиралось внутренними противоречиями. Мятежные города, амбициозные викарии, местные синьоры — все стремились к автономии от Рима. Каждый новый папа вынужден был нанимать армии для подчинения непокорных вассалов и защиты от внешних врагов. Великая Схизма превратила Папское государство в арену жестокой борьбы между сторонниками римского папы и антипапы.

На юге находилось Неаполитанское королевство, крупнейшее по территории итальянское государство, охватывавшее весь материковый юг полуострова и остров Сицилию (вплоть до «Сицилийской вечерни» 29 марта 1282 года, когда Сицилия стала отдельным королевством под властью арагонской династии). Неаполь был беднее северных республик, его экономика базировалась на сельском хозяйстве и феодальных отношениях. Неаполитанские короли из анжуйской и арагонских династий активно вмешивались в дела Центральной и Северной Италии, нанимая кондотьеров для своих амбициозных проектов.

Помимо этих гигантов, на политической карте Италии существовали десятки более мелких государств: синьории Феррары, Мантуи, Римини, Урбино, Перуджи, республики Генуи, Сиены, Лукки, многие из которых сами управлялись династиями, выросшими из родов потомственных кондотьеров, таких как д'Эсте, Гонзага, Малатеста, Монтефельтро, Сансеверино и других. Эта политическая раздробленность, сопровождавшаяся постоянными конфликтами: территориальными, династическими, идеологическими (гвельфы против гибеллинов), создала неисчерпаемый спрос на военные услуги профессионалов.

Сводить фигуру кондотьера к образу «солдата удачи», «дикого гуся» — значит допускать серьёзное упрощение. Кондотьер стоял на пересечении трёх начал: военного мастерства, высокой политики и предпринимательства. Он был военачальником, лично ведущим войска в бой и несущим личную ответственность за тактические решения; политическим игроком, способным влиять на судьбы государств, а порой и захватывать власть, превращаясь из наёмного капитана в суверенного правителя; наконец, своего рода антрепренёром, организатором военного предприятия, вкладывавшим собственный капитал и репутацию в набор, оснащение и удержание отряда. Именно эта тройственная природа — воин, политик, предприниматель — является ключом к пониманию специфики войн и политической жизни Треченто и Кватроченто. Без неё невозможно объяснить, почему одни кондотьеры увековечены фресками в соборах и конными статуями на городских площадях, другие стали основателями правящих династий, а третьи закончили жизнь на плахе, казнённые теми самыми государствами, которым прежде верно служили.

История кондотьерства имела свою внутреннюю логику и свои отчётливые фазы. Всё началось в 1320-1360-е годы с эпохи почти первобытного хаоса: тысячи немецких, бретонских, гасконских, провансальских и каталонских солдат, оставшихся без работы после итальянских походов Людвига Баварского, объединились в так называемые свободные компании — *compagnie di ventura*, — существовавшие за счёт грабежа и откупных, которые города платили за право сохранить свои стены и посевы нетронутыми. Затем, во второй половине столетия, хаос начал обретать форму: крупные, относительно устойчивые компании под командованием известных капитанов всё чаще работали по долгосрочным контрактам, а итальянские военачальники постепенно вытесняли иностранцев. Первая половина XV века, от которой я буду говорить во втором томе монографии, стала подлинной кульминацией эпохи. Именно тогда

сложились великие военные школы — *Scuola Bracciesa* и *Scuola Sforzesa*, чьи ученики, принципы и традиции определяли облик итальянской войны на десятилетия вперёд. Наконец, вторая половина столетия принесла обманчивую стабилизацию: крупнейшие державы поделили сферы влияния, кондотьеры всё заметнее превращались в элемент политической элиты, меценатов и строителей великолепных дворцов — до тех пор, пока вторжение Карла VIII в 1494 году не обнажило военную несостоятельность всей этой утончённой системы перед лицом новых европейских армий.

Именно сквозь эту сложную эпоху и предлагает провести читателя данная книга. Судьба каждого из представленных в ней кондотьеров служит одновременно биографией и документом времени: через личный путь — от первого найма до конца карьеры — становятся видны механизмы, которые в абстрактном изложении легко ускользают. Как выстраивалась военная репутация и как она рушилась в одночасье. Как работали деньги, право и личная преданность на рынке военной силы. Почему одни государства умели управлять своими кондотьерами, а другие — нет. Как тонкая граница между наёмным командиром и политическим властителем стиралась до полного исчезновения, и почему именно раздробленная Италия стала классической ареной этого превращения.

В традиции XIX — начала XX века кондотьеров часто описывали либо с романтической симпатией как «последних рыцарей» и выразителей национального начала, либо с морализаторской враждебностью как циников, разрушителей, торговцев кровью. Реальность сложнее... и интереснее. Среди них встречались авантюристы и государственные строители, жестокие практики и тонкие дипломаты, безжалостные грабители и люди, умевшие превращать военные доходы в политические проекты и культурные жесты. И если у Возрождения есть «тёмная сторона», то она не отменяет его достижений. Она объясняет цену, которую общество платило за великолепие дворцов и библиотек, за безопасность торговых путей и за амбиции правителей. Понять эту цену — значит лучше понять и саму эпоху.

Глава 1. Что такое кондотьер? Контракт, войско, война

Феномен кондотьерства в Италии XIV — XV веков

Само слово «кондотьер» (*condottiere*), ставшее символом целой эпохи в военной истории Италии, происходит от итальянского *condotta* — контракта на военную службу. В самом прямом значении оно обозначает предводителя наёмного военного отряда, капитана, заключившего со своим нанимателем формальное соглашение, ту самую кондотту, определявшую условия его службы. Феномен наёмничества, разумеется, не был уникальным для Италии эпохи Возрождения; наёмные воины и их предводители встречались по всей средневековой Европе. Однако именно на раздробленном политически Апеннинском полуострове, в особенности в XIV и XV веках, наёмничество достигло своего апогея, став не просто военной практикой, но явлением, определявшим характер войн, политическую жизнь и даже социальную структуру того времени. Италия стала классической землёй кондотьеров.

Период от середины XIV до конца XV века часто называют «эпохой кондотьеров». В это время итальянские государства — будь то городские республики вроде Флоренции и Венеции, папский Рим или тирании, такие как Милан под властью Висконти и Сфорца, — в значительной степени полагались на наёмные армии для ведения своих войн и кампаний. Кондотьеры, стоявшие во главе этих армий, превратились в ключевые фигуры на итальянской сцене. Их слава, амбиции и военное мастерство, равно как и их предполагаемая неверность и корыстолюбие, привлекали внимание современников и оставили глубокий след в истории.

Впрочем, сводить фигуру кондотьера лишь к образу «солдата удачи» было бы значительным упрощением. Это была сложная и многогранная личность, стоявшая на пересечении военного дела, высокой политики и, не в последнюю очередь, предпринимательства. Кондотьер был не только военачальником, ведущим войска в бой, но и политическим игроком, способным влиять на судьбы государств, а порой и захватывать власть, превращаясь из наёмного капитана в суверенного правителя. Одновременно он выступал как своего рода антрепренёр, организатор военного предприятия, ответственный за набор, оснащение и содержание своего отряда, рискующий собственным капиталом и репутацией в погоне за славой и богатством. Понимание этой тройственной природы кондотьера — воина, политика и предпринимателя — является ключом к осмыслению специфики войн и политической жизни итальянского Ренессанса.

Кондотта — контракт на войну

Основой существования кондотьера, его юридическим и экономическим фундаментом, был контракт — та самая *кондотта*. Именно этот документ, детально оговаривавший взаимные обязательства, превращал военную службу из феодальной повинности или стихийного грабежа в регламентированную, хотя и рискованную, профессию. Сам термин, впрочем, не был исключительно военным; он применялся и к другим видам государственных подрядов, например, к контрактам на сбор налогов или разработку рудников. Но именно в военном контексте *кондотта* обрела своё историческое значение, дав имя целой эпохе и её главным действующим лицам.

Контракт заключался между военачальником-кондотьером и нанимателем. В роли последнего могли выступать самые разные политические силы тогдашней Италии: богатые городские коммуны (такие как Флоренция, Сиена или Генуя), правители-синьоры, стремившиеся укрепить свою власть или расширить владения (Висконти в Милане, Эсте в Ферраре, Малатеста в Римини), и даже Папа Римский, нуждавшийся в войсках для удержания под контролем обширных и беспокойных Папских земель или для ведения войн за их пределами. Кондотьер, в свою очередь, выступал не просто как командир, но как своего рода военный подрядчик, обязуясь предоставить на оговорённый срок определённое количество войск требуемого качества.

Детализация условий службы была ключевой характеристикой кондотты. В ней тщательно прописывались все аспекты предстоящей службы. Прежде всего, определялся срок найма. Контракты XIV века часто заключались на короткий срок, два-три месяца, подразумевающая завершение службы с окончанием осенней кампании. Однако уже к началу XV века стандартным стал срок не менее шести месяцев, а в дальнейшем всё чаще встречались контракты на год и более. Важным нововведением, появившимся в середине XIV века и способствовавшим большей стабильности и непрерывности службы, стал опционный период. Контракт делился на две части: основной срок службы, и дополнительный период, *ad beneplacitum* (по доброй воле) или, в итальянских контрактах, *di rispetto* (букв. «из уважения»). За несколько недель до окончания *ferma* наниматель должен был уведомить кондотьера, намерен ли он продлить контракт на период *rispetto*. Эта система позволяла государствам удерживать опытных командиров и их отряды, обеспечивая преемственность военных усилий. Особым типом контракта, также направленным на удержание командира, была *condotta in aspetto* (кондотта в ожидании). По ней кондотьер и его отряд обязывались быть готовыми вступить в службу по первому требованию нанимателя, получая за это время пониженное жалование (треть или половину от полного). В остальное время кондотьер был волен служить где угодно, при условии готовности явиться на зов основного нанимателя. Такая форма была особенно удобна для князей-кондотьеров, имевших собственные владения.

Контракт точно определял размер и состав предоставляемого отряда. Численность указывалась либо в «копьях» (*lance*), основной единице тяжёлой кавалерии, либо в количестве всадников и пехотинцев. Иногда, особенно в XV веке, заключались контракты на смешанные отряды, включавшие и кавалерию, и пехоту, и даже артиллерию. Существовал и редкий тип контракта *ad provisionem*, где точная численность войск не указывалась, оставляя её на усмотрение очень высокопоставленного капитана или, наоборот, нанимая опытного воина с небольшим числом соратников. Иногда, особенно при заключении крупных контрактов для масштабных операций, несколько кондотьеров объединялись и подписывали контракт совместно, *a forma di società* (по образу товарищества), разделяя командование и ответственность.

Центральное место в кондотте занимали финансовые условия. Определялась сумма жалования (*soldo*) — либо в виде общей суммы (*provisione*) на весь отряд, либо из расчёта

на каждое «копье» или на каждого солдата. Жалование выплачивалось ежемесячно, часто по частям. Почти всегда при заключении контракта кондотьеру выплачивался аванс — *prestanza*, который обычно составлял четверть или треть от общей суммы за период *ferma*. Этот аванс служил гарантией серьёзности намерений нанимателя и позволял кондотьеру покрыть первоначальные расходы на доукомплектование и снаряжение отряда. Нередко кондотьер предоставлял под аванс финансовые гарантии. Иногда предусматривались и дополнительные выплаты, например, *caposoldo* — добавочный дукат в месяц на копье для распределения между офицерами, или *paga morta* («мёртвая плата») — оплата за фактически отсутствующих солдат, что было своего рода скрытым бонусом или компенсацией.

Помимо финансовых аспектов, кондотта включала и другие важные обязательства. Наёмники присягали на верность нанимателю (*giuramento*), обязуясь сражаться там, куда их пошлют, соблюдать условия контракта и сообщать о любых известных им заговорах. Чётко прописывались правила распределения добычи и пленных. Как правило, движимое имущество, захваченное в бою или при штурме города, принадлежало солдатам, тогда как недвижимость (земли, здания, укрепления) отходила нанимателю. Особо оговаривалась судьба пленных: знатных пленников, командиров вражеской армии или государственных изменников следовало передавать нанимателю, обычно за установленное вознаграждение². Рядовых пленных кондотьер мог отпустить, забрав их оружие и коней, или держать ради выкупа³. Также контракт мог содержать положения об освобождении отряда от налогов и пошлин на территории нанимателя, гарантии бесплатного предоставления квартир, дров и фуража, а также обязательство продавать провизию по справедливым ценам.

Наконец, кондотта предусматривала и условия её завершения. Кондотьер имел право за несколько недель до истечения срока отправить своего представителя на поиски нового контракта. По окончании службы ему гарантировался безопасный проезд до границ территории нанимателя. В свою очередь, кондотьер и его люди клялись не воевать против бывшего нанимателя в течение определённого срока, обычно шести месяцев или года, что часто фиксировалось и в его следующем контракте.

Безусловно, условия кондотты сильно зависели от славы и военной мощи самого кондотьера, а также от степени нужды в нем нанимателя. Чем отчаяннее было положение государства, тем на более выгодные условия мог рассчитывать опытный капитан. Тем не менее, кондотта всегда оставалась формальным юридическим документом, отражавшим деловой, расчётливый подход к войне, характерный для Италии эпохи Возрождения. Она была сложнее и детальнее, чем английский *indenture* или французское *lettre de retenue*, во многом потому, что регулировала отношения не между сюзереном и вассалом, а между государством-заказчиком и иностранным военным профессионалом-предпринимателем.

² Итал. *taglia*

³ Итал. *riscatto*

Смотры и административный контроль: от слов к делу

Подписание кондотты было лишь первым шагом. Прежде чем отряд наёмников мог официально вступить на службу и начать получать полное жалование, он должен был пройти строгую процедуру приёма, центральным элементом которой был смотр, или *mostra*. Этот этап был критически важен как для нанимателя, так и для кондотьера, поскольку именно здесь абстрактные условия контракта проверялись на соответствие реальному положению дел. Смотр служил механизмом контроля, позволявшим государству убедиться, что оно получает именно те войска, за которые платит, и предотвратить возможные злоупотребления со стороны капитана.

Для проведения смотра и оценки наниматель назначал специальных уполномоченных, известных как *consegnatori* (буквально «вручатели» или «приёмщики»). Это могли быть как гражданские чиновники, так и опытные военные. Их задачей было провести тщательную опись и оценку всего личного состава и имущества отряда: людей, лошадей, оружия и доспехов. Процедура была весьма дотошной. *Consegnatori* сверяли фактическую численность и состав отряда с условиями кондотты, проверяли качество вооружения и состояние коней. Всё, что не соответствовало оговорённым стандартам — будь то неполное вооружение солдата, слишком старая или больная лошадь, недостаточное количество людей в «копье» — безжалостно отбраковывалось. Для кондотьера это означало не только репутационные издержки, но и прямые финансовые потери, так как плата начислялась только за тех солдат и лошадей, которые успешно прошли смотр.

Особое внимание уделялось лошадям, которые были самым ценным и уязвимым элементом кавалерийского отряда. Перед принятием на службу каждую лошадь осматривал кузнец (*maniscalco*), её детально описывали по масти и отметинам в специальных реестрах — так называемых *ruoli* (роли, или списки). Затем лошадь клеймили раскалённым железом, нанося знак нанимателя. Это делалось для предотвращения мошенничества: чтобы одну и ту же лошадь не представили на смотр дважды под разными именами или в составе разных отрядов, а также для облегчения процедуры компенсации в случае её гибели в бою (хотя, к XV веку государства всё неохотнее шли на такие компенсации). Ценность лошади, зафиксированная при смотре, напрямую влияла на размер жалования её владельца.

Не менее важным аспектом смотра был контроль за личным составом отряда с политической точки зрения. *Consegnatori* строго следили за тем, чтобы в нанимаемый отряд не попали граждане или подданные самого нанимателя. Это делалось не из недоверия к собственным людям, а для предотвращения внутренних конфликтов и разделения лояльности. Особенно тщательно проверялось отсутствие в рядах наёмников политических изгнанников — *fuorusciti*. Возвращение таких лиц с оружием в руках неизбежно привело бы и приводило к возобновлению старых смут, фракционной борьбе и политической нестабильности, чего любое правительство стремилось избежать любой ценой.

Также составлялись подробные списки, где фиксировались имена солдат, их происхождение, физические характеристики, детали вооружения и данные о лошадях. Эти списки служили основой для последующих регулярных смотров, проводившихся на протяжении всей службы для контроля численности и боеготовности отряда, а также для начисления жалования и штрафов.

Смотр был обязательной процедурой для большинства кондотьеров. Однако самые влиятельные и авторитетные капитаны, особенно те, кто заключал крупные контракты *a forma di società* или чья репутация была безупречна, могли быть освобождены от личного присутствия на смотре или даже от смотра всего своего отряда. В таких случаях наниматель полагался на слово и честь кондотьера, что, впрочем, не отменяло последующих инспекций в полевых условиях. Таким образом, *mostra* была не просто формальностью, а важным инстру-

ментом административного и финансового контроля, отражавшим деловой характер отношений между итальянскими государствами и их наёмными войсками. Она позволяла нанимателю верифицировать выполнение контрактных обязательств и обеспечивала определённый уровень подотчётности со стороны кондотьеров.

Войско кондотьера: структура и состав

Структура наёмного войска в Италии XIV — XV веков была достаточно сложной и не оставалась неизменной, варьируясь в зависимости от эпохи, происхождения отряда и конкретных условий контракта. Если в XIII веке основу многих городских армий ещё составляли ополчения — милиция, пусть и с вкраплениями наёмников, то к середине XIV века профессиональные наёмные отряды, возглавляемые кондотьерами, стали доминирующей силой на полях сражений Апеннинского полуострова. Эти армии представляли собой сложный конгломерат различных типов войск, каждый со своим вооружением, тактикой и ролью в бою.

Тяжёлая кавалерия: становой хребет армии

Несмотря на растущее значение пехоты и появление новых видов войск, тяжёлая кавалерия, *uomini d'arme* (букв. «люди оружия»), долгое время сохраняла статус элитной и наиболее престижной части войска кондотьера. Именно в тяжеловооружённых всадниках современники видели главную ударную силу армии.

Основной тактической и организационной единицей тяжёлой кавалерии на протяжении большей части периода оставалось «копьё» (*lancia*). Изначально, в XIV веке, состав «копья» мог варьироваться. Например, немецкие наёмники часто формировали *barbute* — отряд из двух человек: тяжеловооружённого всадника и его оруженосца-конюха (*sergente*). Однако к концу XIV века, особенно с приходом итальянских кондотьеров, утвердилась классическая структура «копья» из трех человек:

— **Капо ди ланция** (*capo di lancia*) (глава копья): тяжеловооружённый всадник, рыцарь или *milite*, облаченный в полный латный доспех. Он был основной боевой единицей.

— **Оруженосец** (*piatto* или *scudiero*): менее тяжело вооружённый воин, возможно, на лёгкой лошади, чьей задачей была поддержка рыцаря в бою, подача запасного оружия или коня.

— **Паж** (*ragazzo* или *paggetto*): часто юноша, не участвовавший непосредственно в бою, но отвечавший за уход за лошадьми (у *capo di lancia* их было несколько — боевой конь и выучные), доспехами и лагерным имуществом рыцаря.

Таким образом, итальянское «копьё» представляло собой мини-подразделение, где только один из трёх был полноценным тяжёлым всадником, а двое других выполняли функции поддержки. Эта структура отличалась от формировавшихся в то же время во Франции и Бургундии «копий», включавших в себя стрелков (лучников или арбалетчиков) и представлявших собой более универсальную боевую единицу. Итальянская *lancia* оставалась чисто кавалерийским подразделением.

Вооружение и доспехи *capo di lancia* были внушительными и дорогостоящими. К XV веку стандартным стал полный латный доспех миланского или немецкого образца, обеспечивавший максимальную защиту. Он включал шпоры, поножи (*gambiera*), набедренники (*cosciale*), кирасу (*corazza*), защиту рук (*bracciale*), латные перчатки (*guanto*), и шлем. Наиболее распространёнными типами шлемов были бацинет, часто с забралом и стальным горжетом (*gorgera*), а позже — армет и салад (особенно барбут (*barbute*) — итальянский вариант салада без забрала и гребня, названный так по сходству с античным шлемом). Дополняли защиту щит (*targa*), хотя с развитием латных доспехов он постепенно выходил у всадников из употребления. Основным оружием было длинное кавалерийское копье, часто с флажком-пенноном, меч и кинжал.

Лошади, как самое уязвимое место всадника, также часто защищались доспехами — *barde*. Они могли быть сделаны из прочной выделанной кожи (*cuoio bollito*), иногда с металлическими пластинами, или целиком из металла. Нововведением, приписываемым знаменитому кондотьеру конца XIV века Альберико да Барбиано, было добавление к конскому налобнику

остроконечного шипа, что, как считалось, давало итальянской кавалерии преимущество перед немецкой в лобовом столкновении.

Впрочем, такая тяжёлая экипировка имела и свои недостатки. Вес доспехов делал воина ограниченным в движении вне седла. Спешившись, он с трудом мог снова взобраться на коня без посторонней помощи пажа или оруженосца. Хотя современные исследования и эксперименты на практике показывают, что при определённом уровне опыта, облачённые в доспехи воины могли быть достаточно мобильными и опасными в пешем бою, но передвижение по пересечённой местности, штурм возвышенностей или преодоление рвов были для таких воинов практически невозможны. Это во многом определяло тактику кондотьеров, предпочитавших действовать на ровных полях, где кавалерия могла развернуться во всю свою мощь, и избегавших сложных ландшафтов в тех случаях, когда командирам было нужно генеральное сражение. Впрочем, в большинстве случаев, всё было с точностью до наоборот. В результате чего малярийные болота и глубокие реки становились могилами для значительной части враждей армий задолго до того момента, как они встретятся на поле боя.

В организационном плане «копья» объединялись в небольшие отряды под командованием капрала (обычно 10 «копий»), а затем в более крупные эскадроны (*squadra*), насчитывавшие, как правило, 25 «копий». Эскадроном командовал *caposquadra* или *squadriere*. Несколько эскадронов составляли роту (*banda* или *compagnia*) самого кондотьера. К середине XV века наметилась тенденция к стандартизации численности рот (часто 50 или 100 «копий») и появлению более крупных тактических единиц — колонн (*colonna*), объединявших несколько эскадронов под командованием старшего кондотьера (*colonello*).

К середине XV века классическое трёхчастное «копьё» стало модифицироваться. Возросший вес доспехов и интенсивность боевых действий требовали от *capo di lancia* большего числа запасных лошадей и, соответственно, больше слуг для ухода за ними. Кроме того, появилась практика включать в состав «копья» дополнительных, легко вооружённых бойцов. В папских контрактах 1460-х годов упоминается *corazza* — подразделение из пяти человек. Во флорентийских и миланских документах 1470-х годов встречаются четырёхчастные «копья». Точный состав этих увеличенных подразделений не всегда ясен, но, вероятно, они по-прежнему оставались преимущественно кавалерийскими и не включали стрелков на постоянной основе, в отличие от французской модели.

Лёгкая кавалерия: глаза и уши армии

Помимо тяжёлой кавалерии, армии кондотьеров включали и разнообразные типы лёгкой конницы, чья роль со временем только возрастала. Лёгкие всадники были незаменимы для разведки, патрулирования, преследования отступающего противника, внезапных налётов (*cavalcate*) и защиты флангов основной армии.

Одним из распространённых типов были барбуты, названные так по типу шлема, который они носили. Они имели более лёгкое вооружение, чем *uomini d'arme*, меньших и более подвижных лошадей, и обычно сопровождалась одним оруженосцем (*sergente*).

Особую известность приобрели венгерские наёмники (*Ungheri*), появившиеся в Италии около середины XIV века. Они славились своими быстрыми и выносливыми лошадьми (часто по две на всадника), длинными мечами и мастерством в стрельбе из лука. Их доспехи были лёгкими — изначально шлем и кожаная куртка, которую они со временем укрепляли, нашивая новые слои кожи, пока та не превращалась в прочную кирасу. Венгры были известны своей способностью переносить голод, жажду и усталость, спать под открытым небом, подложив под голову седло. Их привычка утолять жажду и голод после долгого перехода смесью толчёного мяса с водой или, возможно, с кровью поражала итальянцев своей дикостью.

Позже, в XV веке, особенно на венецианской службе, появились *stradioni* — лёгкие всадники, набираемые на Балканах преимущественно из албанцев и греков. Они сражались на

незащищённых лошадях, вооружённые лёгкими копьями, саблями и иногда арбалетами. Их доспехи обычно ограничивались шлемом и кирасой или кольчугой. Страдиоты были мастерами засад, фланговых атак и преследования, но имели репутацию крайне недисциплинированных и жестоких воинов, часто выходивших из-под контроля в погоне за добычей. Венецианцы платили им по дукату за каждую отрубленную голову врага, что лишь подогревало их кровожадность.

Ещё одним важным элементом, который можно отнести к лёгкой кавалерии по мобильности, но не по функции, были конные арбалетчики, а позже — конные аркебузиры. Эти всадники передвигались верхом, но для стрельбы обычно спешивались. Они составляли отдельные роты и были особенно полезны для разведки боем, завязывания перестрелки и быстрых фланговых манёвров.

Рыцари или всадники?

Вопрос о кавалерии относит нас к одной очень важной теме, связанной с итальянским рыцарством. Дело в том, что рыцари бывают разные и не все из них по большому счёту являются классическими рыцарями, укоренившимися в нашем сознании произведениями Вальтера Скотта или историческими фильмами и сериалами. Мы немного отойдём от классического латинского термина *miles*, используемого для рыцарей и сосредоточимся на термине «кавалер» (*cavaliere*), который использовался для обозначения всех, кто сражался верхом, будь то люди благородного происхождения или простолюдины, а также действительно посвящённых в рыцари, посредством особого публичного и торжественного ритуала — *акколада* (от фр. *accolade* «объятие»). Любопытно, что во Франции, этот ритуал с XI века назывался *одубемон* или *adoubement* (от старофранцузского «*adouber*», по другой версии от франконского «*dubban*», что в обоих случаях означает «наносить удар», «касаться»). Это могла быть пощёчина — «*раутмее*», или, в конце Средних веков, «*collée*» — удар по шеи. Акколада же была ударом плоской стороной меча по верхней части черепа, затылку или плечу, что являлось символической проверкой стойкости посвящённого. Впрочем, изначально удар или пощёчина могли быть совсем не символическими, так как должны были служить болезненным напоминанием о ритуале. Для итальянского рыцарства эта церемония называлась *addobbamento*, в ходе которой будущему рыцарю вручали, а точнее украшали его шпорами (сначала левой, а затем правой), жакетом, плащом, кирасой, латными рукавицами и, наконец, мечом. Так воин вступал в социальную категорию более или менее приравненную к дворянству. В то время как с VIII века рыцари составляли основную силу всех западных армий, ритуалы посвящения распространились лишь два-три столетия спустя. До сих пор происхождение и реальное распространение ритуального рыцарства далеки от единодушного толкования историками, которые также обсуждают и тему связи между рыцарством и дворянством.

Посвящение в рыцари было военным обрядом инициации германского происхождения. Бароном, графом, князем рождались, а рыцарем становились. Теоретически, даже пекарь или кузнец, если они отличились на поле боя, могли быть посвящены в рыцари. Но только теоретически. На практике это случалось лишь в исключительных случаях. В основном из-за того, что обучение рыцаря начиналось с колыбели. Отец-барон одевал младенца в шёлковое платье, отделанное горностаем, вёл его к крестильной купели и наделял землями, состоянием или только добрым именем. Затем он поручал его кормилице благородной крови, с которой мальчик рос до семи лет. После этого его воспитанием занимался наставник, который учил его ездить верхом, играть в шахматы, впрочем, и в кости тоже.

Образование было запутанным и приблизительным, но сказать, что знать, и рыцари были неграмотными нельзя. Да, Вильгельм Завоеватель был неграмотным; существует большой вопрос, умел ли Карл Великий писать. Впрочем, другой вопрос — умел ли он читать? — тоже остаётся открытым. Тем не менее, Карл не только стремился к собственному просве-

щению, но и поощрял распространение грамотности среди населения через сельских священников. Но надо отдавать себе отчёт, что король средневекового периода был верховным администратором, оказавшихся в его руках владений, и не умение читать, писать и считать в его позиции могло сыграть очень плохую службу. Высшая и средняя аристократия, вовлечённая в политику, законотворчество и дипломатию, составляла основной источник кадров для важнейших государственных должностей — от канцлеров до шерифов. Их образование было необходимым условием выполнения административных функций. Церковные иерархи, занимавшиеся дипломатией и правосудием, также не могли оставаться необразованными. Использование писцов не означало неграмотность тогдашней знати, а лишь отражало организацию делопроизводства того времени, когда документы писались на дорогих материалах и требовали самого аккуратного оформления.

Рыцари, хотя и занимали более низкое положение в социальной иерархии, также нуждались в грамотности. Будучи сыновьями аристократов, они должны были быть готовы к управлению землями в случае наследования титула. Даже менее привилегированные рыцари, управлявшие небольшими фьефами, должны были разбираться в документах и финансах. Полностью неграмотными могли быть лишь редкие рыцари, получившие звание исключительно за военные заслуги, но к Высокому и Позднему Средневековью это становилось всё менее распространённым явлением. Безусловно, объём получаемых знаний варьировался. Военная подготовка оставалась приоритетной для будущих рыцарей, и многие из них имели поверхностное представление о науках квадривиума (арифметика, музыка, геометрия, астрономия) и тривиума (грамматика, риторика, диалектика). Их историческое образование часто ограничивалось изучением деяний античных героев — Ахилла, Гектора, Александра и Цезаря. Однако среди знати и рыцарства были выдающиеся деятели культуры. Вильгельм IX Аквитанский стал основоположником поэзии трубадуров, король Ричард Львиное Сердце был известен как поэт и музыкант, а Кретьен де Труа и Вальтер фон дер Фогельвейде прославились как выдающиеся поэты рыцарского происхождения. Помимо личного творчества, аристократы активно покровительствовали искусству и литературе. Таким образом, миф о неграмотности средневековых лордов и рыцарей не подтверждается историческими фактами.

В двенадцать лет юный барон становился *дамуазо* (фр. *damoiseau* от лат. *damigello*) знатного господина, в чей замок он переезжал. Здесь он проходил настоящее военное обучение: учился обращаться с луком, держать щит, владеть мечом, метать копьё, фехтовать. Он присутствовал на турнирах и состязаниях и сопровождал барона, которому во время войны, верхом на коне, носил копьё и щит. В пятнадцать лет он наконец был готов стать рыцарем. Если синьор был доволен его успехами, то он производил его в рыцари через ритуал, описанный выше.

Несомненно, ритуальное рыцарство не было одинаково распространено во всех областях средневековой Европы, в то время как техники конного боя привели к повсеместному принятию одинакового типа снаряжения для рыцаря и его коня. Это не означает, что на поле битвы сражались на равных условиях хотя бы потому, что смелость, физическая сила, индивидуальная и коллективная подготовка, качество доспехов и, прежде всего, мощь и послушность коня были факторами, создававшими неравенство между бойцами. Не все были достаточно богаты, чтобы позволить себе полное облачение классического рыцаря. В Италии XIII — XIV веков для того, чтобы одеть рыцаря с головы до ног, требовалась сумма, которую квалифицированный работник мог заработать лишь за многие-многие годы, при этом не тратя на себя и семью.

Но вернёмся к итальянским рыцарям. Итальянское рыцарство было неоднородным. Начнём с самого его верха. *Cavalieri Addobbati*, также известные и как *Cavalieri di Corredo*, представляли собой элиту среди итальянских рыцарей в Средние века. Оба названия происходят от слов *addobbo*, старинного термина, обозначающего украшение (этот процесс мы описывали

выше), и *corredo*, означающего снаряжение. Это были рыцари, которые могли позволить себе роскошную одежду, доспехи и снаряжение для себя, своего боевого коня и породного скакуна⁴.

Согласно флорентийскому аристократу, поэту и писателю XIV века Франко Саккетти⁵, в его время существовало ещё три типа итальянских рыцарей. *Cavalieri bagnati*, или рыцари купальни, посвящались в рыцари с помощью сложных церемоний, во время которых их омывали от всей «скверны». *Cavalieri di scudo*, или рыцари щита, были людьми, посвящёнными в рыцари князьями или государями. *Cavalieri d'arme*, или рыцари оружия, были воинами, которых посвящали в рыцари до или после сражения. Эти различия, по-видимому, не были особенно строгими.

Конечно, основная часть населения итальянских коммун, принадлежавшая к небогатым слоям общества, не имела возможности нести расходы на дорогостоящую кавалерийскую подготовку, обучение владения различными видами оружия, приобретение боевого коня, экипировки и содержание оруженосца.

В реалиях даже позднего Средневековья простые горожане были всецело поглощены ежедневной борьбой за существование. Тяжёлый физический труд, необходимость обеспечивать многочисленную семью и выплачивать многочисленные подати не оставляли времени для серьёзной военной подготовки. Даже если бы финансовые возможности позволяли приобрести им воинское снаряжение, плотный график работы в поле, в ремесленной мастерской или на торговой площади не давал возможности посвящать достаточно времени воинским упражнениям. В отличие от знати, располагавшей и средствами, и досугом для военных тренировок, простолюдины не могли позволить себе отвлекаться от насущных проблем выживания. Экономические условия Средневековья, с его частыми неурожаями, эпидемиями и социальными потрясениями, только усугубляли эту ситуацию, вынуждая большинство населения сосредотачивать все силы на поддержании минимального уровня жизни.

Пехота: растущая сила

На протяжении всего периода роль пехоты в итальянских армиях неуклонно росла и приобрела особое значение в военной структуре. В Падуе и Вероне, как и в других итальянских городах-государствах, пешие воины стали основой городского ополчения. Их главным преимуществом была способность создавать мощное давление на противника даже при отсутствии сложной боевой выучки.

Важно подчеркнуть, что масштабные сражения, предполагавшие организованное противостояние армий с заранее выстроенными, а лучше будет сказать, выставленными боевыми порядками, были редкостью в военной практике того периода. Военные действия чаще сводились к локальным столкновениям, где простые тактические построения пехотных отрядов оказывались вполне результативными. Более того, далеко не всё в то время сводилось к военным столкновениям. Часто боевые отряды сосредотачивались на вылазках на территорию враждебных коммун ради грабежа и «возмещения» старых обид и потерь, а также осадах замков и

⁴ Littell & Littell, *The Living Age*, p. 180.

⁵ Франко Саккетти — выдающийся итальянский писатель, поэт и государственный деятель позднего Средневековья. Родился во Флоренции или в Рагузе (современный Дубровник) в древней и знатной флорентийской семье Саккетти, активно участвовавшей в торговле и политике. С юности он проявил себя как талантливый поэт, но основное внимание уделял торговле, а затем государственной и дипломатической службе. В течение жизни занимал высокие должности в городах Тосканы и Романьи, включая пост подесты в Сан-Миниато, Фаэнце и Биббьене. После восстания чомпи (1378) его родной брат Джанноццо (Giannozzo Sacchetti) был казнён, а семья подверглась изгнанию, но сам Франко избежал этой участи благодаря своей репутации честного и благоразумного политика. Как писатель, Франко Саккетти вошёл в историю прежде всего благодаря своему сборнику «Треченто новелл» (*Trecento novelle*), содержащему 223 сохранившиеся новеллы из первоначально запланированных 300. Его новеллы представляют собой реалистичные зарисовки повседневной жизни Флоренции конца XIV века, наполненные живым народным языком и юмором. В отличие от Джованни Боккаччо, Саккетти избегал сложных сюжетных конструкций, отдавая предпочтение коротким, поучительным и часто сатирическим историям. Его стиль отличался простотой и непосредственностью, а сюжеты черпались как из собственных наблюдений, так и из устных преданий.

крепостей. Осады и, в идеале, взятие укрепленных пунктов позволяло снизить ресурсную базу противника, а также ограничить его возможности на ответные вылазки.

Нарастающая профессионализация войска привела к дифференциации прежде однородной массы пеших воинов. Теперь стали различать рядовых пехотинцев и стрелков, вооружённых метательным оружием, среди которого особое место занял арбалет. Это оружие, известное на Апеннинском полуострове по меньшей мере с XI века, поначалу использовалось наряду с луком, но со временем полностью вытеснило его, став инструментом, способным кардинально влиять на ход сражений.

Эта эволюция военного дела отражала глубинные изменения в социальной и экономической структуре итальянских городов-государств, где растущая роль пехоты символизировала усиление позиций городского сословия в противовес традиционной феодальной знати, а, следовательно, кавалерии. Однако, парадоксальным образом, значимость пехоты зачастую умалялась хронистами, большинство из которых стремились воспевать подвиги более благородных всадников — представителей лучших и древних семей города. Не случайно в бесчисленных описаниях армий конница неизменно упоминалась первой, зачастую без её дифференциации.

Развитие тактики, распространение полевых укреплений и осадная война требовали всё большего числа хорошо обученных и дисциплинированных пехотинцев. В свете этих перемен вооружение пехотинца того времени претерпело значительные улучшения, выйдя за рамки прежней стёганой одежды, изредка дополненной металлическими элементами защиты. Уже на исходе XIII столетия городские статуты предписывали пешим воинам облачаться в панцирь, шлем и горжет, снабжать правую руку перчаткой, а также вооружаться ножом, мечом и неизменной *роэллой* (*roella*) — компактным круглым щитом для защиты предплечья. Венчало это снаряжение длинное копье — *lancia lunga*, именуемое так в противовес более короткому кавалерийскому варианту.

Основной боевой единицей пехоты была рота (*compagnia*) под командованием констабля (*contestabile*)⁶, насчитывавшая от 20 до 50 человек. Традиционно пехота делилась на три основные категории:

— **Копьеносцы/Пикинеры** (*fanti, lance lunghe*): вооружённые длинными копьями или пиками, шлемом, мечом и ножом. Их основной задачей было удержание оборонительного строя против атак кавалерии.

— **Щитonosцы** (*pavesari*): пехотинцы, несшие большие прямоугольные щиты-павезы, которые можно было установить на землю, создавая защитную стену для копьеносцев и стрелков.

— **Арбалетчики** (*balestrieri*): основная стрелковая сила. Это оружие, известное на Апеннинском полуострове по меньшей мере с XI века, поначалу использовалось наряду с луком, но со временем полностью вытеснило его, став инструментом, способным кардинально влиять на ход сражений. Генуэзские арбалетчики считались лучшими в Европе и высоко ценились на рынке наёмников. Арбалетчики должны были иметь кирасу или нагрудник, шлем, нож, арбалет с болтами и колчан.

Командиры пехотных отрядов дополнительно имели «брачиали» (*bracciali*) — защиту рук, вероятно, кольчужные рукава.

С середины XV века структура и вооружение пехоты стали меняться. Наряду с традиционными типами появились:

— **Мечники с баклерами**: лёгкая пехота, вооружённая мечом и маленьким круглым щитом-баклером или на итал. брокьеро (*brochiero*), предназначенная для ближнего боя и штурмовых действий. Эксперименты с таким типом пехоты связывают с именем кондотьера Брaccio да Монте.

⁶ Также используются связанные производные термины «констебль» и «коннетабль».

— **Стрелки из ручного огнестрельного оружия:** сначала *schiopettieri* (с примитивными ручницами-«скьоппетто»), а затем, с 1470-х годов, аркебузиры. Хотя раннее огнестрельное оружие было неточным и медленным в перезарядке, оно обладало большей пробивной силой, чем арбалет, и его производство было дешевле. К концу XV века аркебузиры стали постепенно вытеснять арбалетчиков в качестве основной стрелковой силы пехоты. В 1476 году пятая часть миланской пехоты (2000 из 10000) была вооружена ручницами. В 1482 году в арсенале Милана на 1250 ручниц и 352 аркебузы приходилось лишь 233 арбалета.

Состав пехотных контингентов также был разнообразным. Хотя значительная часть пехотинцев набиралась в центральной Италии (Умбрия, Романья, Марке), было много и иностранцев: корсиканцы, испанцы, немцы (особенно в качестве стрелков из огнестрельного оружия), славяне и албанцы.

Векторы трансформации: Soldaerii, Homo de Guerra, Famiglia Ducale u Lanze Spezzate

Трансформация отношения граждан (*cives*) к войне стало ещё одним локомотивом усиления роли наёмников. Если в середине XIII века итальянский юрист и писатель Роландино да Падова страстно превозносил свободу и честь своего города как высшие ценности, достойные защиты до последней капли крови, то, менее века спустя, у юриста, дипломата и хрониста из Падуи Гульельмо Кортuzzi война предстаёт не как эффективное средство защиты отечества, а как небесная кара, описываемая с пессимизмом и почти смирением. Вооружённая борьба перестала быть частью коллективного сознания, которое теперь отвергало её, воспринимая как исключительно частный интерес правителей.

Снижение готовности граждан к воинской службе, несомненно, было обусловлено атмосферой нестабильности и перманентной военной мобилизации, характерной для итальянских городов того периода. Этот сдвиг в общественном сознании отражал глубинные изменения в социальной структуре и политической культуре итальянских городов-государств, где традиционные республиканские идеалы гражданского ополчения — милиции (*milizie cittadine*) уступали место профессионализации военного дела и растущей отчуждённости населения от военных забот.

Военные кампании любого масштаба требовали постоянно действующих и профессионально подготовленных армий — качеств, недостижимых для гражданского ополчения. Это обусловило необходимость специальной подготовки и, прежде всего, количественного и качественного превосходства над тем, что могли предложить горожане и жители контадо.

Эксперимент с наёмными войсками, уже неоднократно опробованный, стал, таким образом, неизбежностью, преодолев изначальное неприятие, связанное с необходимостью оплаты их услуг, в отличие от безвозмездной службы добропорядочных граждан.

Восхождение правителя Вероны Кангранде I делла Скала ознаменовало институционализацию оплачиваемых воинов — *soldaerii*. Из элитной гвардии на личной службе у *доминуса* или временной военной необходимости они превратились в постоянный компонент армий Скалигеров. Именно на этих профессиональных солдат сделал решительную ставку Кангранде, выстраивая свою репутацию «воинственного и завоевательного гения», столь очаровавшую историков, или, согласно более трезвому взгляду хронистов — «человека войны» (*homo de guerra*). Полководец одним из первых интуитивно осознал потенциал «солдат удачи»⁷ и ускорил процесс их интеграции в военную структуру защиты итальянских коммун. Если на начальном этапе наем ограничивался отдельными войнами или командирами и их небольшими групп воинов, то вскоре перешёл к всё более многочисленным контингентам, предвосхищая неизбежное формирование крупных наёмных отрядов.

⁷ Итал. *soldato di ventura* или *venturiero*.

Однако была и другая тенденция. Помимо наёмных отрядов кондотьеров, ведущие итальянские государства (Милан, Венеция, Неаполь, Папское государство) с середины XV века начали формировать и собственные постоянные войска, находившиеся на прямой государственной службе. В Милане это была *famiglia ducale* — герцогская гвардия, со временем разросшаяся до нескольких тысяч хорошо экипированных всадников, и *lanze spezzate* («сломанные копья») — отдельные всадники, зачисленные на государственную службу индивидуально, часто после гибели их прежнего командира-кондотьера. Аналогичные кавалерийские отряды существовали и в Неаполитанском королевстве. Постоянные пехотные контингенты, также напрямую нанимаемые государством, назывались *provisionati*. Эти постоянные войска, наряду с системой долгосрочных контрактов для кондотьеров, свидетельствуют о постепенном переходе от чисто наёмной системы к формированию регулярных армий.

Таким образом, войско кондотьера, особенно в развитой форме XV века, представляло собой сложный организм, включавший тяжёлую и лёгкую кавалерию, различные типы пехоты, артиллерию и инженерные подразделения. Его структура и состав постоянно эволюционировали под влиянием новых тактических идей, технологических новшеств и меняющихся политических условий.

Содержание войска: плата, снабжение и дисциплина

Успешное функционирование наёмной армии зависело не только от её структуры и вооружения, но и от эффективной системы её содержания. Своевременная выплата жалования, надёжное снабжение и поддержание дисциплины были теми основами, без которых самый доблестный отряд быстро терял боеспособность и превращался в неуправляемую толпу. Решение этих задач ложилось как на плечи самого кондотьера, так и на административный аппарат нанимателя.

Плата: нерв войны

Жалование (*soldo* или *stipendio*) было главным стимулом для наёмного солдата и основным обязательством нанимателя. Как уже отмечалось, условия оплаты прописывались в кондотте очень подробно. Выплаты производились ежемесячно, но часто не единовременно, а несколькими частями в течение месяца. Это позволяло нанимателю лучше контролировать расходы и создавало у солдат постоянное ожидание следующей выплаты, что служило дополнительным фактором удержания их на службе.

Из жалования могли производиться различные вычеты. Наиболее распространёнными были штрафы за нарушения дисциплины, неявку на смотр, некомплект личного состава или неудовлетворительное состояние вооружения и лошадей. Кроме того, во многих итальянских государствах существовала практика удержания небольшого процента с жалования в виде налога (*onoranza*). В Венеции это была *Onoranza di San Marco*, в Папском государстве — *Onoranza della Camera Apostolica*. Иногда эти сборы предназначались для конкретных целей: например, солдаты на службе у Болоньи отчисляли средства на строительство базилики Сан-Петронио, а во Флоренции — на возведение собора Санта-Мария-дель-Фьоре.

Право на получение оплаты солдат терял в строго оговорённых случаях: если он самовольно покидал службу (уходил в отпуск без разрешения), попадал в тюрьму на срок свыше двух месяцев или присягал неприятелю, обязуясь не воевать против него. Эти условия были чётко зафиксированы в контрактах и служили средством поддержания лояльности.

Оплата производилась в основном наличными деньгами, но иногда часть жалования могла выдаваться натурой, например, сукном для пошива одежды, особенно в начале кампании. Внутри роты кондотьера существовала своя система распределения жалования. Рядовой солдат получал базовую ставку, тогда как офицеры и сам кондотьер имели значительно более высокое вознаграждение. Помимо прямого жалования, существовали и различные бонусы. Ранней формой был *caposoldo* — дополнительный дукат на копье в месяц, который распределялся между офицерами. Позже распространилась *paga morta* («мертвая плата») — оплата за номинально числящихся, но фактически отсутствующих солдат или «копья». Это была завуалированная форма дополнительного вознаграждения командиру, позволявшая ему покрывать накладные расходы на содержание штаба (советников, казначеев, трубачей) и собственное представительство. Ведущие кондотьеры также получали личное жалование (*provisione*) сверх оплаты их отряда.

Оценка реального уровня солдатского жалования — сложная задача. В XIV веке ставки были выше, часто доходя до 20 флоринов в месяц за трёхчастное «копье». В XV веке средняя ставка установилась на уровне около 10 флоринов (или дукатов, имевших примерно равную ценность) за «копье» и оставалась относительно стабильной на протяжении столетия, с небольшими колебаниями между государствами. Флоренция, имевшая менее постоянную и хуже организованную армию, платила несколько больше (11—12 флоринов), тогда как в более стабильных армиях Милана и Венеции ставка была ниже (около 8 флоринов). Папская армия занимала промежуточное положение (9—10 флоринов). Падение ставок по сравнению с XIV

веком объясняется не столько снижением статуса солдата, сколько изменением условий найма (более длительные контракты, большая стабильность), увеличением предложения на рынке наёмников (в том числе итальянцев) и изменением соотношения стоимости золота и серебра (жалование часто оговаривалось в золоте, а выплачивалось серебром). Жалование пехотинца было значительно ниже и составляло в среднем 3 флорина в месяц в начале XV века, снижаясь до 2—2,5 к середине столетия.

Несмотря на все контрактные обязательства, своевременная выплата жалования была постоянной проблемой для итальянских государств. Финансовые ресурсы часто не поспевали за амбициями и оборонительными нуждами. Задержки выплат были скорее правилом, чем исключением, и являлись одной из главных причин недовольства, падения дисциплины и даже дезертирства. Солдаты, не получавшие денег, не могли купить провизию и были вынуждены грабить местное население, даже на дружественной территории. Кондотьеры, чьи отряды оставались без оплаты, порой отказывались выступать в поход, используя это как средство давления на нанимателя. Флоренция в середине XV века была печально известна своими долгами перед кондотьерами; порой республика была вынуждена продлевать контракты лишь потому, что не имела средств рассчитаться с капитанами по старым обязательствам. Эта финансовая нестабильность была ахиллесовой пятой всей системы кондотьерства.

Снабжение: логистика войны

Помимо оплаты, жизненно важным аспектом содержания армии было её снабжение (*vettovagliamento*). Войска нуждались в постоянном притоке провизии для людей, фуража для лошадей, а также в пополнении боеприпасов, ремонте оружия и доспехов. Принцип снабжения различался в зависимости от того, находилась ли армия на своей или на вражеской территории.

На дружественной территории солдаты должны были платить за провизию, хотя и по «справедливым», то есть регулируемым, ценам, что фиксировалось в кондотте. Государства на территории нынешней Италии не имели централизованной системы военного снабжения (фр. *pourvoyance*), как в некоторых других странах Европы, но их подданные были обязаны продавать припасы армии. Организация снабжения осуществлялась несколькими способами. Для осадных армий или крупных баз снабжение могло осуществляться централизованно, путём подвоза провианта и фуража армейскими провизорами. Однако для мобильных полевых армий, характерных для итальянских войн, этот способ был малоэффективен из-за трудностей транспортировки по пересечённой местности. Поэтому чаще использовался сбор припасов на месте местными чиновниками и армейскими снабженцами в районе операций армии. Важнейшим элементом системы были армейские рынки, организуемые в лагере или в непосредственной близости от него. Местные крестьяне и торговцы поощрялись к привозу своих товаров, им гарантировалась безопасность (что специально оговаривалось в армейских уставах). Во Флоренции даже существовали специальные выборные должностные лица — *signori del mercato dell'esercito* — отвечавшие за регулирование лагерного рынка.

Как только армия вступала на вражескую территорию, обязанность платить за продовольствие отпадала. Войска начинали жить за счёт территории, на которую они вторглись. Сбор припасов и фуража превращался в организованный грабёж. Этим занимались специальные отряды — *guastatori* («опустошители»), изначально представлявшие мародёров, чьей основной задачей было уничтожение посевов, виноградников, оливковых рощ и угон скота. Это была целенаправленная экономическая война, призванная подорвать ресурсы противника. Хотя командование старалось регламентировать грабёж и делить добычу по установленным правилам, именно на вражеской территории дисциплина чаще всего давала сбой.

Снабжение вооружением, доспехами и боеприпасами также было важной задачей. Хотя кондотьер отвечал за поддержание боеготовности своего отряда, государства всё чаще брали на себя централизованное обеспечение войск, особенно расходными материалами — стрелами

для луков, болтами для арбалетов, порохом и ядрами для артиллерии. Крупные арсеналы существовали в Милане, славившемся своими оружейниками, и в Венеции, где государственный Арсенал, изначально ориентированный на флот, всё больше работал и на нужды сухопутной армии, став одним из крупнейших производителей пороха в Италии. В Папском государстве центром производства арбалетных болтов, щитов и копий был город Сполето.

Особую проблему представляло снабжение лошадьми. Их огромное количество, требовавшееся для кавалерии (в 1439 году, по оценкам, в итальянских армиях было около 70000 лошадей), и высокие потери в ходе кампаний создавали постоянный дефицит. Боевой конь стоил дорого — от 30 до 200 флоринов, что равнялось годовому или даже многолетнему заработку пехотинца. Неясно, где разводилось такое количество лошадей; частично этим занимались сами кондотьеры (например, род Гонзага в Мантуе), но основная масса, вероятно, импортировалась. Конские ярмарки были неотъемлемой частью лагерной жизни, и среди торговцев, их посещавших, было много немцев. Брендирование и тщательный осмотр лошадей при приёме на службу были призваны бороться с мошенничеством и облегчить учёт потерь.

Дисциплина и повседневная жизнь

Поддержание дисциплины в разношёрстном наёмном войске было постоянной головной болью как для кондотьеров, так и для государственных властей. Уровень дисциплины сильно варьировался от отряда к отряду и зависел от авторитета командира, своевременности выплат и условий службы. Кондотьер нес прямую ответственность за поведение своих солдат и мог быть оштрафован за причинённый ими ущерб гражданскому населению или за другие проступки.

Мелкие нарушения наказывались штрафами, вычитаемыми из жалования. Более серьёзные проступки, такие как дезертирство, неповиновение, тяжкие преступления против мирного населения, карались строже, вплоть до телесных наказаний и смертной казни, хотя последняя применялась редко и требовала санкции высшего командования или государственных властей. Увольнение со службы (*cassazione*) было распространённым наказанием за неэффективность или систематическое нарушение дисциплины, особенно для младших командиров и рядовых.

Для поддержания порядка в армии разрабатывались специальные уставы (*ordini*), регламентирующие поведение солдат на марше, в лагере и в бою. Известны уставы, изданные совместно Гаттамелатой и Сфорца в 1439 году. Они содержали стандартные предписания: не ломать строй, охранять обоз и снабженцев, порядок действий при внезапной атаке, назначение лагерных маршалов, отвечавших за размещение и порядок в лагере.

Одной из характерных черт итальянских армий, отличавших их, например, от английских того же периода, было присутствие большого числа женщин — жён, подруг и проституток. Английские уставы категорически запрещали нахождение женщин в лагере (кроме маркитанток), тогда как в Италии военный бордель был обычным явлением, а флорентийские власти даже лицензировали бордели за городскими стенами, используя налоги с них на ремонт укреплений. Это отражало различные социальные установки и, вероятно, влияло на атмосферу в лагере.

Помимо опасностей боя, солдатская жизнь была полна и других рисков. Болезни, связанные с походной жизнью и большим скоплением людей на ограниченной территории, уносили, возможно, больше жизней, чем оружие противника. Травмы были частыми — как боевые, так и бытовые (падения с лошади, драки). Кондотьеры часто страдали от профессиональных заболеваний, связанных с ношением тяжёлых доспехов и долгим пребыванием в седле. Медицинская помощь была очень слабой, хотя в каждой роте обычно был цирюльник-хирург, а в штабе крупных армий — и квалифицированные врачи.

Таким образом, содержание наёмной армии в Италии Предренессанса и самой эпохи Возрождения было сложным комплексом взаимосвязанных задач, требовавшим значительных финансовых ресурсов и развитого административного аппарата. Проблемы с оплатой, снабже-

нием и дисциплиной были хроническими и во многом определяли как боеспособность войск, так и их репутацию в глазах современников.

Практика войны: манёвры, сражения и грабежи

Правила ведения войны в эпоху кондотьеров представляли собой своеобразную, порой причудливую, смесь рыцарской галантности (по крайней мере в её внешнем выражении), унаследованных из недавнего прошлого, и жестокого прагматизма, продиктованного реалиями политической борьбы и экономической выгоды. Войны велись не ради полного уничтожения противника, а скорее ради достижения конкретных, часто ограниченных, политических или территориальных целей, ради сохранения баланса сил или получения денежной компенсации. Эта специфика породила множество мифов, самый известный из которых — о «бескровных битвах» Ренессанса.

Никколо Макиавелли, наблюдавший закат эпохи кондотьеров и глубоко разочарованный в наёмных армиях, едко замечал, что войны его времени велись так, чтобы «не убивать людей, не грабить города и не разрушать государства». С его точки зрения, кондотьеры сознательно затягивали кампании, избегали решительных сражений и проявляли чрезмерную осторожность, заботясь лишь о сохранении своих дорогих отрядов и продлении выгодных контрактов. Отчасти эта критика была справедлива: кондотьер действительно рисковал своим капиталом — лошадьми, оружием, обученными солдатами — и не был склонен к неоправданному риску. Поражение могло означать не только потерю репутации и контракта, но и финансовый крах или ощутимые потери. Поэтому в итальянской военной практике XV века огромное значение придавалось маневрированию, разведке, контрманёврам, использованию рельефа местности и полевых укреплений. Целью часто было не разгромить армию противника в генеральном сражении, а измотать его, перерезать линии снабжения, захватить стратегически важный замок или переправу, то есть получить тактическое или стратегическое преимущество, которое можно было бы конвертировать в политические уступки или выгодный мир.

Однако представление о полном отсутствии кровопролития является сильным преувеличением. Хотя крупные полевые сражения действительно были относительно редки по сравнению с осадной войной и маневрированием, они случались, и часто были весьма ожесточёнными и имели серьёзные последствия. Битвы при Кастаньяро (1387), Маклодио (1427), Караваджо (1448) или Форново (1495) были далеки от бескровности, потери в них исчислялись сотнями, а порой и тысячами человек, особенно среди пехоты и легковооружённых воинов. Тяжёлая кавалерия, защищённая латами, действительно несла меньшие потери в убитых, но значительное число рыцарей попадало в плен.

Захват пленных был важной составляющей военной экономики кондотьеров. Судьба пленника зависела от его статуса и богатства. Простых солдат (*fanti*) обычно обезоруживали, отбирали лошадей (если они были) и отпускали на свободу — содержать и кормить большую массу пленных было невыгодно и непрактично. Но знатные пленники — вражеские военачальники, члены правящих фамилий, богатые рыцари с дорогим вооружением — представляли большую ценность. Их держали ради выкупа. Суммы выкупов могли быть весьма значительными, составляя важную статью дохода как для рядовых солдат, захвативших пленника, так и для кондотьера и, в некоторых случаях (согласно условиям кондотты), для нанимателя. Пленение вражеского главнокомандующего или важного политического деятеля также имело большое военное и политическое значение. Конвенции «доброй войны» предполагали, что такие пленники не должны содержаться в тюрьме, а находиться под домашним арестом или освобождаться под честное слово (*parola*) и гарантии, но на практике эти правила часто нарушались, особенно в XIV веке. В XV веке обращение с пленными стало несколько более гуманным, но знатные пленники всё ещё могли провести в заключении годы, ожидая выкупа или обмена.

Осады городов и замков были гораздо более частым явлением, чем полевые сражения. Тактика осады включала как традиционные методы (подкопы, использование осадных машин),

так и всё более активное применение артиллерии, особенно во второй половине XV века. Взятие города штурмом было кровавым и опасным делом, которого старались избегать. Гораздо чаще исход осады решался путём переговоров и капитуляции. Условия сдачи могли быть разными: от уплаты городом выкупа (*riscatto*) за отказ от штурма и грабежа до сдачи на милость победителя (*a discrezione*). Наиболее распространённым условием была капитуляция, гарантировавшая жизнь жителям, но отдававшая всё их движимое имущество на разграбление победителям (*sacco*). Организованный грабёж обычно длился определенное время (от нескольких часов до нескольких дней), после чего командование вводило в город свои части для восстановления порядка. Если же город был взят штурмом, то он отдавался солдатам на полное разграбление, и уровень насилия был значительно выше, хотя даже в таких случаях тотальное истребление населения было крайне редким — мёртвые города не представляли ценности.

Другой важнейшей составляющей практики войны было опустошение вражеской территории. Это была не стихийная жестокость вышедших из-под контроля солдат, а целенаправленная и организованная экономическая война. Отряды *guastatori* систематически уничтожали посевы, виноградники, оливковые рощи, угоняли скот, сжигали деревни. Целью было подорвать экономическую базу противника, лишить его армию снабжения, заставить население просить мира, а города сдаться. Особенно уязвимым для такого рода войны было сельское хозяйство Италии с его ценными многолетними культурами. Одно опустошительное вторжение могло на долгие годы разорить целую область. Этот метод был излюбленным средством давления на противника, зачастую более эффективным, чем попытка разгромить его армию на поле сражения.

Грабёж и насилие по отношению к мирному населению были обычным делом на вражеской территории. Однако наибольшую и самую мрачную славу снискали себе так называемые «свободные компании» (*compagnie di ventura*), особенно активные в середине XIV века. Это были крупные, часто интернациональные по составу, отряды наёмников, формировавшиеся в периоды затишья между войнами или после роспуска армий. Лишённые контракта и жалования, они превращались, по словам современников, в настоящий «бич Италии». Как отмечал хронист Муратори, они состояли из «воров, изгнанников, бродяг и итальянских дезертиров», окружённых отрядами иностранцев — немцев, провансальцев, бургундцев. Их основной целью были грабёж и безнаказанность. Они перемещались по стране, опустошая земли, терроризируя население и требуя огромных выкупов с городов, которым часто не оставалось иного выбора, как откупаться большими суммами денег, чтобы избежать полного разорения. «Великая Компания», «Белая Компания» — вот лишь самые известные примеры таких формирований, про которые мы ещё поговорим в следующих главах.

Так или иначе, практическое воплощение войны и военных действий в эпоху кондотьеров было крайне сложным и многогранным. Она включала как элементы стратегического маневрирования и расчётливой политики, так и жестокие реалии осад, грабежей и опустошений. Кондотьер действовал в сложной системе контрактных обязательств, военных конвенций и собственных экономических интересов, пытаясь совместить требования нанимателя со стремлением сохранить свой главный актив — боеспособный отряд.

Риски ремесла: опасности на поле боя и вне его

Ремесло кондотьера было не только прибыльным и почётным, но и чрезвычайно рискованным. Опасности подстерегали капитана наёмников повсюду, и угроза исходила далеко не только от врага на поле боя. Парадоксально, но порой не меньшую, а то и большую опасность для успешного и прославленного кондотьера представлял его собственный наниматель.

Военные риски были очевидны. Несмотря на миф о «бескровных» войнах, гибель или ранение в бою оставались вполне реальной перспективой, особенно в ходе осад или при штурме укреплений. Потеря лошади или дорогостоящих доспехов могла нанести серьёзный финансовый урон. Попадание в плен грозило не только унижением, но и необходимостью выплачивать огромный выкуп. Поражение в битве могло привести к потере репутации, разброду в отряде и расторжению контракта. Как заметил один из кондотьеров, в письме Лоренцо Медичи, война была делом, где малейшая ошибка или неблагоприятное стечение обстоятельств могли перечеркнуть годы успешной службы.

Однако подлинная специфика положения кондотьера заключалась в тех опасностях, которые исходили из сложной политической игры итальянских государств и двойственной природы его отношений с нанимателем. Успех и слава полководца часто вызывали не только восхищение, но и подозрения. Правители и республиканские магистраты опасались чрезмерного усиления своего капитана, боясь, что он может использовать свою армию и популярность для захвата власти или перехода на сторону врага с ещё большим войском и влиянием. Эта атмосфера подозрительности, интриг и страха пронизывала отношения между кондотьерами и их нанимателями.

История знает немало примеров, когда успешные и, казалось бы, лояльные капитаны становились жертвами коварства своих нанимателей. Обвинение в измене, реальное или сфабрикованное, было самым простым способом избавиться от ставшего слишком влиятельным или неугодным полководца. Классическим примером стала судьба Франческо Буссоне да Карманьола, прославленного кондотьера на службе Венеции. После нескольких военных неудач (зачастую преувеличенных или неправильно истолкованных его недоброжелателями в венецианском правительстве) и на фоне необоснованных подозрений в тайных сношениях с миланским герцогом, Карманьола был хитростью заманен в Венецию, арестован, подвергнут пыткам и казнён по сфабрикованному обвинению в 1432 году. Его участь послужила грозным предостережением для других кондотьеров.

Помимо открытых судебных расправ, нередко использовались и более тайные методы устранения неугодных капитанов. Кинжал наёмного убийцы или яд в бокале вина были вполне реальными угрозами в той атмосфере политических интриг и взаимного недоверия, которая царила при многих итальянских дворах. Неудачливый или заподозренный в нелояльности кондотьер мог легко пасть жертвой заговора, инспирированного его же нанимателем или завистливыми соперниками.

В такой обстановке постоянных интриг и подспудной враждебности сохранение верности нанимателю порой оказывалось для кондотьера более опасной добродетелью, чем смена стороны или даже открытое предательство. Измена могла показаться более безопасным способом избежать превентивного удара со стороны подозрительного господина. Если кондотьер чувствовал, что тучи над его головой сгущаются, переход на службу к врагу, который, возможно, предлагал лучшие условия и большее доверие, мог показаться рациональным шагом для сохранения жизни и состояния. Эта логика выживания, продиктованная самой системой отношений, во многом и породила репутацию кондотьеров как людей неверных и вероломных.

И всё же, несмотря на все соблазны и опасности, были и те капитаны, чья преданность и честность вошли в поговорку. Федерико да Монтефельтро, герцог Урбино, служивший разным

нанимателям, включая Флоренцию, Милан и Неаполитанское королевство, прославился своей неизменной верностью контрактным обязательствам и щепетильностью в вопросах чести. Другой пример верности, хотя и иного рода — это Якопо даль Верме, служивший миланским герцогами Висконти более тридцати лет, ставший их доверенным лицом и получивший в награду обширные владения. Такие примеры показывают, что даже в опасном и циничном мире итальянской политики и войны существовали иные модели поведения, основанные на чести, лояльности или долгосрочном расчёте. Однако таких кондотьеров, как признавали и сами современники, было немного.

В целом, ремесло кондотьера требовало уникального сочетания качеств. Помимо несомненной военной доблести, таланта стратега и тактика, умения внушать доверие и поддерживать дисциплину в войсках, кондотьер должен был обладать и другими, менее героическими, но не менее важными чертами. Ему были необходимы изворотливость ума, чтобы ориентироваться в лабиринте политических интриг, политическое чутье, чтобы вовремя распознать опасность или выгодную возможность, и, зачастую, определённая гибкость моральных принципов или даже полное отсутствие моральных терзаний, чтобы выжить и преуспеть в жестоком и переменчивом мире итальянского Ренессанса. Он был продуктом своей эпохи — эпохи блестящих достижений и глубоких противоречий, где война была не только продолжением политики, но и сложным бизнесом, требовавшим от своих главных игроков недюжинных талантов воина, политика и предпринимателя одновременно.

Глава 2. Закат коммунальной милиции: истоки наёмничества

От гражданского долга к наёмному ремеслу

Эпоха кондотьеров, со всеми её драматическими фигурами и переменчивой фортуной, не возникла на пустом месте, словно по волшебству появившись на итальянской земле. Ей предшествовал длительный и сложный исторический период, когда оборона и военные предприятия многочисленных итальянских городов-государств покоились на совершенно ином, фундаментальном принципе — на вооружённом ополчении самих граждан, коммунальной милиции. Этот принцип подразумевал, что защита города и его интересов являлась не просто повинностью, но священным долгом и неотъемлемым правом каждого полноправного гражданина. Война, в реалиях средневековой Италии — частое и почти неизбежное явление, — воспринималась как часть гражданской жизни, прямое продолжение политики коммуны.

Расцвет этой системы гражданского ополчения справедливо связывают с XII веком, временем героической борьбы Ломбардской лиги против попыток императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы утвердить свою реальную власть над богатыми и независимыми городами Северной Италии. Победа Лиги в битве при Леньяно 29 мая 1176 года стала апогеем мощи коммунальных милиций, продемонстрировав их способность противостоять профессиональным феодальным армиям. На протяжении значительной части XIII века милиция оставалась основой военной организации большинства итальянских коммун, особенно в Ломбардии и Тоскане.

Однако ничто не вечно, и система, казавшаяся столь органичной для городской жизни средневековой Италии, уже к концу XIII века начала давать трещины, а в течение XIV столетия постепенно, но неуклонно уступала место новому явлению — профессиональным наёмным армиям. Закат коммунальной милиции и зарождение наёмничества не были одномоментным событием или результатом действия единственной причины. Это был сложный и многогранный процесс, обусловленный глубокими изменениями в социально-экономической структуре, политической ситуации, военной тактике и даже в менталитете самих горожан. Переход от гражданина-ополченца к солдату-наёмнику растянулся на десятилетия и стал ключевым фактором, подготовившим почву для появления феномена кондотьерства — эпохи профессиональных военных предводителей и их частных армий, которая определила облик итальянских войн в Позднем Средневековье и Ренессансе.

Прежде чем исследовать причины упадка коммунального ополчения и истоки наёмничества, необходимо внимательнее рассмотреть саму структуру и принципы функционирования этой системы в период её расцвета. Лишь поняв, как была организована и чем жила городская милиция, каковы были её сильные и слабые стороны, можно в полной мере оценить глубину последующей трансформации и понять, почему долг гражданина защищать свою коммуну с оружием в руках постепенно превратился в ремесло солдата, сражающегося за плату под чужим знаменем.

Золотой век коммунальной милиции: организация и символы (XII — XIII вв.)

Период с XII по конец XIII века можно по праву считать золотым веком итальянских коммунальных милиций. Именно в это время система гражданского ополчения достигла наивысшего развития и продемонстрировала свою впечатляющую эффективность. Её организация не была случайной или хаотичной; она тесно переплеталась с самой социально-политической структурой средневекового города, отражая его корпоративное устройство и территориальное деление.

В основе военной системы коммун лежал принцип всеобщей воинской повинности. Теоретически, каждый мужчина, способный носить оружие, считался обязанным встать на защиту города в случае опасности. Эта традиция имела глубокие корни, уходя, возможно, к временам лангобардского владычества, полагавшегося на поголовное ополчение свободных людей для формирования своих армий. Однако на практике эта «всеобщность» была ограничена. Реальная обязанность служить в ополчении распространялась в первую очередь на полноправных граждан (*cittadini*), составлявших то, что можно назвать «политическим классом» коммуны. Статус гражданина, дававший право на участие в управлении городом, как правило, требовал длительного проживания, владения собственностью и определённого уровня достатка. Именно эти граждане, имевшие реальную долю в благосостоянии и независимости коммуны, несли основное бремя налогов и военной службы. Представители низших слоёв, чернорабочие, новые жители города, как правило, в состав действующей милиции не входили, хотя в моменты крайней опасности могли привлекаться к вспомогательным работам или обороне стен. Также существовали возрастные рамки: обычно к службе призывались мужчины в возрасте от 18 (иногда от 17 или даже 15) до 60—65 лет.

Организация войска точно отражала саму структуру средневекового города. Ополчение формировалось по корпоративному и территориальному принципу. Ремесленники и торговцы выставляли отряды от своих гильдий (*arti*). Эти профессиональные корпорации, игравшие огромную роль в экономической и политической жизни коммун, становились и основой их военной мощи. Другим важным принципом деления было территориальное. Город разбивался на крупные районы — сести (*sesti*, шестые доли, как первоначально во Флоренции), терци (*terzi*, трети, как в Сиене) или кварталы (*quartieri*). Те, в свою очередь, делились на более мелкие единицы — контрады (*contrade*, часто соответствовавшие церковным приходам) или гонфалоны (*gonfalon*, буквально «знамёна», административно-военные округа, особенно характерные для Флоренции). Каждая такая единица — будь то гильдия, квартал или гонфалон — выставляла свой собственный отряд (*compagnia*) со своим знаменем, капитаном и советниками, которые часто избирались публично и сменялись каждые полгода, чтобы предотвратить концентрацию власти в одних руках. Пизанские отряды, к примеру, носили живописные названия, отражавшие, возможно, символику их знамён: «Меч», «Роза», «Копье», «Фиалка», «Лилия», «Морской Мост», «Олень», «Императорский Лев», «Луна». Флоренция в XIII веке имела 20 гонфалонов, позже их число сократилось до 16. Эта сложная структура позволяла не только быстро мобилизовать ополчение, но и легко определить его численность и состав по числу развёрнутых знамён.

К городской милиции добавлялось ополчение из сельской округи — контадо (*contado*). По мере того как города распространяли, через процесс известный как «комитатинанца» (*comitatinanza*), свою власть на окружающие территории, они требовали военной службы и от сельских жителей, как от свободных крестьян, так и от мелких феодалов, ставших вассалами коммуны. Во Флоренции, например, существовало 96 сельских округов (*pivieri*),

каждый из которых был обязан выставлять своих воинов. Эти сельские контингенты, часто составлявшие значительную часть армии, в основном пополняли ряды пехоты.

Хотя основу коммунального ополчения составляла пехота, роль кавалерии не следует недооценивать. Содержать боевого коня и полное рыцарское вооружение могли лишь наиболее состоятельные граждане (*popolo grasso*) и представители знати (*nobili*), многие из которых, даже живя в городе, сохраняли свои сельские корни и рыцарские традиции. В периоды господства *populares* (представителей богатых недворянских родов и буржуазии) знать (*nobili*) часто исключалась из народного ополчения как политически неблагонадёжный элемент, но даже тогда она была обязана выставлять конные отряды (*cavallate*) за свой счёт. Именно из этих богатых граждан и нобилей формировалась городская кавалерия. Знаменитая победа при Леньяно часто представляется как триумф пехоты над рыцарством, но армия Ломбардской лиги имела в своём составе не менее 4000 всадников, без поддержки которых пехота вряд ли выдержала бы натиск германской тяжёлой кавалерии. Флорентийская армия, потерпевшая поражение при Монтаперти в 1260 году, насчитывала около 1400 коммунальных всадников против примерно 6000 пехотинцев-горожан и 8000 пехотинцев из контадо.

Вооружение ополченцев было разнообразным. Каждый гражданин должен был иметь собственное оружие и содержать его в готовности. Всадники были защищены кольчугой, позже — элементами пластинчатого доспеха, шлемом и щитом, их основным оружием было копьё и меч. Пехота делилась на несколько категорий. Тяжеловооружённые пехотинцы имели большие щиты-павезы (*pavesi*), которые могли устанавливаться на землю, образуя защитную стену, лёгкие шлемы (*cervelliera*) и копья. За этими «павезариями» (*pavesari*) располагались арбалетчики (*balestrieri*) — грозная сила итальянских армий с XII века. Введение арбалета, мощного, хотя и медленно перезаряжаемого оружия, значительно повысило роль пехоты в бою, дав ей серьёзные наступательные возможности. Основная же масса ополченцев была вооружена проще: мечом и копьём, иногда топором или кинжалом.

Центральным элементом, сердцем и душой коммунального войска был *карроччо* (итал. *carroccio* или *Carrocc* на ломбардском)⁸ — тяжёлая четырёхколёсная повозка, обычно запряжённая белыми откормленными волами. Карроччо, имеющая ломбардское происхождение, первоначально использовалась ариманнами⁹ в качестве боевой колесницы. Со временем её функция стала символической, но её продолжали использовать во время военных кампаний и обороны. Во время марша или остановки, карроччо использовалась как помост для осуществления религиозных служб, озвучивания приказов командующего, а также осуществления военно-полевых судов.

Это была не просто телега, а священная реликвия коммуны. На центральной флагмачте, установленной на повозке, развевалось городское знамя (*gonfalone*) — главный символ независимости и чести города. Рядом часто устанавливалось распятие, превращая карроччо и в передвижной алтарь. Потеря карроччо в бою считалась величайшим позором, сравнимым с потерей королём своего личного штандарта. Вокруг этой священной повозки, которую охранял отборный отряд самых храбрых воинов (как миланская «Рота Смерти» (итал. *Societa della Morte*), поклявшаяся умереть, но не отступить), концентрировались лучшие силы ополчения. Перемещение карроччо по полю боя часто обозначало место главной ставки, командного пункта. В Пизе, например, карроччо сопровождали 1500 отборных юношей, вооружённых с головы до ног. Карроччо выезжало из города лишь по особому постановлению высшего совета коммуны (*Consiglio Generale* или *di Credenza*) и его выезд сопровождался звуками труб и молитвами свя-

⁸ Её часто пишут с заглавной буквы, но мы будем с прописной, что также допустимо.

⁹ Термин ариман (на лангобардском *arī-mann*) происходит от германского *Heer* — армия и *Mann* — человек. В лангобардском контексте это слово означало каждого свободного взрослого мужчину, способного носить оружие, поэтому допущенного к участию в общественном собрании (*gairethinx*), тем самым делая военного достоинство и гражданское достоинство тождественными.

щенников. На вершине повозки часто устанавливали большой колокол — *martinella* (как во Флоренции) или *nola* (как в Пизе), чей звон служил сигналом к бою, сбору войск или поднятию боевого духа. Карроччо воплощало саму коммуну, её свободу, единство и божественное покровительство.

Карроччо стала главной героиней битвы при Леньяно 29 мая 1176 года, во время которой её, согласно легенде, в своей последней схватке защищала «рота смерти», возглавляемая, опять же согласно популярной традиции, Альберто да Джуссано¹⁰, вымышленный герой, который на самом деле появилось только в литературных произведениях следующего столетия. Опять же по легенде, во время боя три голубя, вылетели из гробниц святых Сизиннио, Мартирио и Алессандро в базилике Сан-Симпличиано в Милане, приземлились на карроччо, взятое миланцами на поле боя, в результате чего император Священной римской империи Фридрих Барбаросса бежал, увидев приближающееся подкрепление во главе Гуидо да Ландриано.

Захват карроччо врагами почти всегда имело политическое значение. Карроччо Ломбардской лиги был захвачен внуком Барбароссы императором Фридрихом II в 1237 году во время битвы при Кортенуове, подарен папе Григорию IX¹¹ и перевезён в Палаццо Сенаторио в Риме в так называемом Зале Карроччо. На дарственной табличке написано:

«Прими, о Рим, колесницу, дар императора Фридриха II, в вечную честь города. Захваченная в плен при разгроме Милана¹², она прибыла как славная добыча, чтобы возвестить о триумфах Цезаря. Её будут держать как позор для врага, её послали сюда во славу Городу, с любовью к Риму послана она»¹³.

Справедливости ради, Ломбардская лига потеряла карроччо из-за распутицы, что не позволило муниципальной милиции вовремя добраться до неё и защитить. Но это, скорее, исключение и исторический курьёз. В большинстве случаев, карроччо захватывалось в ходе яростного боя, исход которого, практически всегда входил в историю. Так, в 1275 году карроччо из гвельфской Болоньи была захвачена в битве при Сан-Проколо и с триумфом доставлена гибеллинами в Форли. В середине XIII века карроччо Кремоны был захвачен в бою муниципальными ополченцами Пармы. 22 сентября 1325 года войска Каструччо Кастракани дельи Антельминелли в битве при Альтопашо захватили карроччо Флоренции. 11 марта 1387 года карроччо Вероны была захвачена кондотьером Джоном Хоквудом в знаменитой битве при Кастаньяро.

Боевой дух коммунального ополчения подпитывался не только религиозным рвением и символизмом карроччо, но и сильным чувством местного патриотизма, известным как *campanilismo* (буквально «колокольный патриотизм», привязанность к своей колокольне, родному городу или региону, часто в ущерб более широкой национальной или, позже, международной перспективе). Гордость за свой родной город, его историю, богатство и независимость была мощнейшим мотиватором для граждан-ополченцев. Война считалась гражданским долгом, и участие в ней — почётным правом. В мирное время проводились регулярные учения: граждане упражнялись в беге, владении оружием — копьём, арбалетом, мечом, метали особый дротик с удлинённым стальным наконечником, часто с зазубринами и короткой деревянной основой — *Virga Sardisca* или *Verga Sardesca*, или *Sardinian Bacchetta*. Каждое подразделение имело свою эмблему (*insegna*) и знамя (*cappella*), что облегчало управление и позволяло легко определить численность войска.

¹⁰ Фактическим военачальником Ломбардской лиги в знаменитом военном столкновении с Фридрихом Барбароссой был Гуидо да Ландриано.

¹¹ Фридрих II сделал этот подарок Папе вовсе не в знак уважения или признательности, а чтобы унижить и показать, кто хозяин на Апеннингах. Период небольшого мира с Папой скоро закончится.

¹² Интересно, что Милан, хоть и был очень слаб с военной точки, но не разгромлен. Только по случайности Фридрих II не осадил город. Милан предлагал подписать мир, но чрезмерные требования императора подтолкнули миланцев к новому сопротивлению.

¹³ «Cesaris Augusti Friderici, Roma, secundi dona tene currum perpes in Urbe decus. Hic Mediolani captus de strage triumphos Cesaris ut referat inclita preda venit. Hostis in probrium pendebit, in Urbis honorem mictitur, hunc Urbis mictere iussit amor».

Смотры боеготовности проводил капитан народа (*Capitano del Popolo*), который зачастую являлся верховным главнокомандующим милиции и отвечал за её оснащение. Штаб-квартиры городских отрядов — *ридоммо* (*ridotto*) — служили одновременно и арсеналами, где хранилось оружие (мечи, копья, арбалеты, щиты, топоры), лестницы для штурма, фонари и другое необходимое снаряжение. В Сиене, например, каждый командир контрады был обязан держать в своём ридотто десять топоров, десять арбалетов, десять щитов и прочее вооружение. Готовность к войне была повседневной реальностью.

Эффективность коммунальной милиции была доказана в многочисленных войнах XII — XIII веков. Битва при Леньяно (1176), где ломбардские коммуны разгромили армию Фридриха Барбароссы, стала хрестоматийным примером. Не менее показательна битва при Кампальдино (1289), где флорентийское ополчение (усиленное, правда, почти половиной наёмной кавалерии) одержало решительную победу над гибеллинами Ареццо. Эта битва продемонстрировала тактическую зрелость коммунальных армий конца XIII века: использование арбалетчиков для создания перекрёстного огня, защитная роль пехоты с павезами, наличие резервов и понимание важности взаимодействия разных родов войск. Граждане-ополченцы, движимые патриотизмом и защищавшие свои дома, сражались храбро и стойко.

Тем не менее, система коммунальной милиции имела и свои ограничения. Ополченцы, несмотря на учения, оставались по сути своей непрофессионалами. Их подготовка, особенно в сложных тактических манёврах, уступала выучке профессиональных солдат. Длительные кампании, особенно осады, требовавшие постоянного присутствия войска в поле и специальных инженерных навыков, были сложны для системы, основанной на краткосрочном призыве граждан, занятых своими мирными делами. Кроме того, внутренняя структура ополчения, тесно связанная с городскими партиями, фракциями, консортериями (*consorteria*) могла стать источником слабости в периоды обострения политической борьбы. Именно эти внутренние противоречия и внешние вызовы в конечном итоге привели к постепенному закату золотого века коммунальной милиции.

Первые трещины в системе (конец XIII — начало XIV вв.)

Несмотря на впечатляющие успехи и сложную организацию, система коммунальной милиции, достигнув своего пика в XIII веке, уже к его исходу начала обнаруживать признаки уязвимости. Эти первые трещины, едва заметные на фоне продолжавшихся побед и сохранявшегося патриотического духа, постепенно расширялись под влиянием ряда факторов — военно-технических, политических и социальных. Именно они подготовили почву для более радикальных изменений в военном деле Италии следующего столетия.

Одним из ключевых факторов стали изменения в самой природе войны, связанные с развитием вооружения и тактики. Широкое распространение арбалета с середины XII века, как уже упоминалось, дало пехоте значительную огневую мощь и возможность эффективно противостоять рыцарской кавалерии. Однако это же оружие требовало длительного обучения и специализации. Искусный арбалетчик становился профессионалом, чьи навыки ценились высоко. Одновременно росла и уязвимость традиционно вооружённых воинов. В Италии ответом на новую угрозу стало дальнейшее разделение пехоты: появились павезарии, главной задачей которых было прикрытие арбалетчиков и копейщиков своими щитами, и копейщики (*lanzatori* или *picchieri*), чьи длинные копья предназначались для отражения кавалерийских атак. Тяжёлая кавалерия, в свою очередь, была вынуждена реагировать на возросшую мощь пехотных стрелков. Кожаные и кольчужные доспехи постепенно заменялись более надёжной, но и более тяжёлой и дорогой пластинчатой броней (*piastre*). Возникла необходимость в защите коней, что привело к появлению конского доспеха. Все это делало снаряжение кавалериста значительно более дорогим и обременительным. Тяжесть доспехов быстрее утомляла коней в бою, поэтому кавалеристу требовались запасные лошади (*ronzini* или *somieri*), а также помощники — пажи или оруженосцы — для ухода за ними, поддержания доспехов в порядке и оказания помощи в бою. Из этих потребностей начала формироваться тактическая единица, ставшая характерной для позднесредневековой кавалерии — «копье», небольшая группа, состоящая, как мы писали ранее, из тяжеловооруженного рыцаря (*uomo d'arme, elmetto*), оруженосца и паж. Хотя в Италии конца XIII — начала XIV века «копье» ещё не достигло той сложной структуры, как во Франции (где оно включало и лучников), тенденция к усложнению и специализации была очевидной.

Эти военно-технические изменения объективно вели к профессионализации военного дела. Полный доспех был атрибутом профессионального воина, а не феодала-любителя или горожанина-ополченца. Обучение владению новым оружием, будь то арбалет или тяжёлое рыцарское копье, требовало постоянной практики. Эффективное взаимодействие различных родов войск на поле боя, особенно в сложных тактических построениях, как при Кампальдино, нуждалось в слаженности и дисциплине, достижимых скорее в постоянном, профессиональном войске, нежели в спешно собранном ополчении. Таким образом, военная логика сама подталкивала к найму специалистов, способных эффективно использовать новое оружие и действовать в рамках сложной тактической схемы. Хотя неверно было бы утверждать, что поражение при Монтаперти в 1260 году немедленно «доказало» флорентийцам несостоятельность милиции, оно, несомненно, стало одним из факторов, подтолкнувших к более активному привлечению наёмных солдат, особенно кавалерии, которая в том сражении понесла значительные потери.

Наряду с внутренней эволюцией военного дела, важным фактором стало постепенное проникновение наёмников в структуру коммунальных армий. Вопреки устоявшемуся мнению, наёмники не появились в Италии лишь в XIV веке как признак упадка республиканского духа. Они присутствовали в итальянских войсках задолго до этого. Ещё в XII веке Фьезоле в Тоскане нанимало солдат для войны с Флоренцией. В 1220-х годах Генуя и Сиена, экономически

более развитые на тот момент, чем Флоренция, уже активно использовали наёмные отряды. К середине XIII века наёмники стали обычной частью флорентийской армии: в битве при Монтаперти 4 сентября 1260 года в её составе было 200 наёмных всадников. Изначально это были, как правило, солдаты из соседних регионов, особенно из Эмилии и Романьи, нанимавшиеся индивидуально или небольшими группами на короткий срок (обычно 3 месяца). Они чётко отличались от коммунальных войск. Однако постепенно география найма расширялась: в Италии появлялись немецкие, французские, а к 1277 году — даже английские наёмники на флорентийской службе.

Присутствие больших иностранных армий на полуострове в XIII веке — имперских войск Гогенштауфенов, а затем анжуйских армий Карла I — способствовало этому процессу. После завершения крупных кампаний многие иностранные солдаты оставались в Италии, предлагая свои услуги местным правителям. Так, после битв при Беневенто (1266) и Тальякоццо (1268) множество немецких и французских воинов осели в Италии.

Изначально наёмников нанимали поодиночке или мелкими группами (*constabularie*), редко превышавшими 25 человек. Но логика военного дела и удобство для нанимателей вели к тому, что наёмники стали объединяться в более крупные отряды под командованием признанных лидеров. С образованием лиг городов, таких как Тосканская лига в 1260-х годах, взявших на себя обязательства по выставлению контингентов для совместных действий, использование наёмников стало ещё более распространённым. Для защиты интересов лиги или для выполнения союзнических обязательств было проще и эффективнее использовать постоянные наёмные отряды, чем созывать собственное ополчение. Так, к концу XIII века флорентийские капитаны наёмников, такие как граф Амори Нарбоннский, командовавший при Кампальдино, уже приводили с собой значительные личные отряды (у Амори было от 100 до 200 анжуйских всадников). Каталонец Диего делла Ратта, нанятый Флоренцией в 1305 году, в течение восьми лет содержал постоянную компанию из 200—300 всадников и до 500 пехотинцев, ставшую ядром флорентийской армии и сил Тосканской лиги. Его отряд и он сам, благодаря упоминанию у Боккаччо, стали символом этого раннего этапа профессионализации войны. Таким образом, ещё до начала XIV века в Италии сложилась практика найма не только отдельных солдат, но и целых организованных рот (*compagnie*) под командованием опытных капитанов. Это был важный шаг к формированию системы кондотт.

Третьим фактором, расшатывавшим основы коммунальной милиции, стали непрекращающиеся внутренние конфликты. Борьба гвельфов и гибеллинов, знати и народа, соперничество могущественных семейных консортерий подрывали единство горожан и затрудняли сбор эффективного ополчения, особенно когда цели войны переставали быть чисто оборонительными. Глубокие фракционные расколы делали лояльность части ополченцев сомнительной. Более того, изгнание побеждённой партии стало обычным явлением в политической жизни итальянских городов. Изгнанники, лишённые имущества и гражданских прав, часто не имели иного выбора, кроме как посвятить себя военному ремеслу. Они охотно присоединялись к врагам своей родной коммуны, надеясь с их помощью вернуться и вернуть утраченное. Летописи фиксируют массовые изгнания: 10000 человек из Кремоны в 1266 году, 12000 из Болоньи в 1274-м. Во время войны Флоренции против Каструччо Кастракани в начале XIV века четыре тысячи флорентийских изгнанников сражались в армии Каструччо, надеясь добиться своего возвращения. Эти «сильные мужи, не имевшие иного состояния, кроме меча», как их называли современники, не только ослабляли военный потенциал своих родных городов, но и создавали постоянную внешнюю угрозу, вынуждая коммуны искать защиты, в том числе и путём найма войск. Феномен *fuorusciti* стал одним из источников пополнения рядов профессиональных солдат и наёмников. Таким образом, к концу XIII — началу XIV века система коммунальной милиции, несмотря на сохранявшуюся силу традиции и патриотизма, столкнулась с серьёзными вызовами. Военно-технический прогресс требовал большей профессионализа-

ции. Политические конфликты и практика изгнаний подрывали единство граждан и создавали кадры для наёмных армий. Появление постоянных наёмных отрядов при иностранных правителях и самих коммунах указывало на новый путь развития военного дела. Эти первые трещины ещё не означали обрушения всей системы, но они явственно обозначили те направления, по которым пойдёт дальнейшая трансформация итальянской войны.

Социально-экономические трансформации и упадок милиции (XIV в.)

XIV век стал временем глубоких социально-экономических перемен для итальянских городов-государств, и эти перемены оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу коммунальной милиции. Факторы, наметившиеся в конце XIII века, в этот период получили полное развитие, окончательно подорвав основы гражданского ополчения и сделав переход к наёмным армиям практически неизбежным.

Италия XIII века стояла в центре коммерческой революции, переживая бурный экономический рост. Богатство городов, таких как Флоренция, Генуя, Венеция, Милан, стремительно росло, расширялись их торговые связи, развивались ремесла и банковское дело. Этот экономический подъем имел двойные последствия для военной системы. С одной стороны, он давал коммунальным финансовым ресурсам для найма профессиональных солдат, чьи услуги обходились дороже, чем содержание собственного ополчения, но сулили большую эффективность. С другой стороны, сами граждане, всё глубже вовлечённые в сложную и динамичную экономическую жизнь, всё менее охотно отрывались от своих дел ради длительных военных походов. Если краткосрочная защита городских стен или недельная экспедиция против мятежного феодала в contado ещё могли вписываться в ритм жизни торговца или ремесленника, то многомесячные кампании, ставшие нормой в XIV веке, требовали слишком серьёзных жертв. Время для преуспевающего горожанина становилось всё более ценным ресурсом, и тратить его на тяготы военной службы, когда можно было заплатить кому-то другому за выполнение этой работы, казалось всё менее рациональным.

Патриотизм и *campanilismo* не исчезли, и граждане по-прежнему гордились своими коммунарами. Однако практические соображения всё чаще брали верх. Поддержание боеспособности, особенно в кавалерии, требовало не только времени на тренировки, но и значительных расходов. Стоимость боевого коня, тяжёлых доспехов, оружия была весьма высока и доступна далеко не всем. В то время как пехотинец ещё мог обойтись относительно скромным снаряжением, служба в кавалерии становилась уделом всё более узкого круга богатейших граждан и нобилей. Неудивительно, что постепенно обязанность личной службы начала трансформироваться в денежную повинность. Уже с XII века служба в ополчении оплачивалась, но в XIV веке всё чаще личное участие заменялось уплатой специального налога, на который коммуна нанимала профессионалов. Ярким примером стала Флоренция, где к 1351 году налог на содержание конной милиции (составлявший внушительную сумму в 52000 флоринов в год¹⁴) полностью заменил личную службу кавалерии. Это был закономерный результат: богатеющие горожане предпочитали платить, а не воевать, а коммуна получала возможность формировать более профессиональную и боеспособную (по крайней мере, в теории) конницу. Аналогичные процессы происходили и в других городах. Даже в Милане, некогда выставившем до 15000 пехоты и 3000 конницы, к моменту захвата власти Висконти в 1315 году (а по другим данным, уже к концу XIII в. в период борьбы с Генуей) число городских всадников сократилось до шестидесяти — разительный контраст с былой мощью.

Упадок личного участия граждан в военном деле усугублялся и чисто военными соображениями. Коммунальная милиция, при всей её храбрости и патриотизме, всё же уступала в профессионализме опытным наёмникам. Гражданам-ополченцам недоставало систематической выучки, строгой дисциплины, опыта длительных кампаний, осадного искусства. Их сила была скорее в численности и решимости, чем в умении и тактической гибкости. Особенно это

¹⁴ Флорин или золотой флорин (*fiorino, fiorino d'oro*): чеканился во Флоренции с 1252 по 1533 годы, номинально чистое золото, вес 3,536 грамма.

стало заметно в условиях усложнившейся войны XIV века, требовавшей большей тактической изощрённости, слаженного взаимодействия родов войск и способности вести затяжные операции вдали от родных стен. Итальянские ополченцы, привыкшие к обороне или коротким вылазкам, часто оказывались не готовы к реалиям полевой войны против таких же или более профессионально подготовленных противников. Иностранцы наёмники — немцы, французы, англичане, венгры, каталонцы — закалённые в бесконечных войнах за пределами Италии (Столетняя война, конфликты в Германии, войны на Пиренейском полуострове), обладали необходимым опытом, дисциплиной и тактическими навыками, которых не доставало коммунальным войскам. Их присутствие на итальянских полях сражений не только предлагало альтернативу местным силам, но и служило постоянным напоминанием о преимуществах профессионализма.

Отдельно стоит рассмотреть военную организацию Южной Италии, которая существенно отличалась от североитальянских коммун. В Неаполитанском королевстве и Сицилии городская жизнь была развита слабее, а феодальные структуры — сильнее. Норманнские правители, а затем династии Гогенштауфенов и Анжу создали здесь более централизованную систему, опиравшуюся как на феодальное ополчение, так и на наёмников. Феодальная служба, хотя и пришедшая в упадок по всей Европе, в Южной Италии сохраняла большее значение, чем на Севере. Королевские армии Неаполя и Сицилии могли выставить значительные феодальные контингенты. Однако и здесь наёмники играли ключевую роль, особенно когда речь шла о масштабных кампаниях. В битве при Беневенто 28 февраля 126 года армия Манфреда Гогенштауфена состояла в основном из немецких и итальянских наёмников (составлявших почти две трети кавалерии) и знаменитых сарацинских лучников из Лучеры — по сути, королевских рабов-солдат, унаследованных от норманнов. Армия его противника, Карла I Анжуйского, хотя и состояла преимущественно из французов, в значительной мере пополнялась за счёт наёмников-авантюристов, а не только феодальных вассалов. Обе стороны активно использовали также специалистов — генуэзских и пизанских арбалетчиков. Таким образом, Южная Италия, с её сильной монархической властью и постоянными войнами, возможно, даже раньше Северной перешла к системе комплектования армии, где наёмники составляли значительную, если не основную, часть вооружённых сил.

Сочетание этих социально-экономических, политических и военно-технических факторов к середине XIV века привело к необратимому закату коммунальной милиции как основной военной силы итальянских городов-государств. Растущее богатство и деловая активность отвлекали горожан от военной службы. Стоимость вооружения делала личное участие всё более обременительным. Изменившийся характер войн требовал профессионализма и дисциплины, которыми ополчение не обладало в достаточной мере. Внутренние распри ослабляли единство. И самое главное — появилась доступная и, казалось, более эффективная альтернатива в виде наёмных солдат. Переход к оплате службы вместо личного участия стал повсеместным. Гражданский долг уступал место профессиональному ремеслу. Города всё чаще полагались на наёмные армии, содержавшиеся за счёт растущих налогов. Эта трансформация, растянувшаяся на десятилетия, создала совершенно новую военную и политическую реальность в Италии, подготовив сцену для главных действующих лиц следующей эпохи — кондотьеров и их «свободных компаний».

Зарождение наёмных армий: от ополчения к контракту

Переход от системы коммунальной милиции к наёмной армии не был резким разрывом в военной традиции, а скорее постепенным процессом, растянувшимся на весь XIV век. Корни этого явления, как мы видели, уходят ещё в XIII столетие, но именно в XIV веке наёмничество из вспомогательного элемента превратилось в основу военной мощи итальянских государств. Этот сдвиг был обусловлен целым комплексом взаимосвязанных причин, от политических и экономических до чисто военных.

По мере того, как итальянские коммуны трансформировались в территориальные государства, расширяя свою власть над *контадо* и вступая в затяжные конфликты с соседями, менялись и требования к армии. Война перестала быть лишь эпизодической обороной городских стен; она превратилась в постоянную реальность, часто требующую агрессивных кампаний, осад крепостей, защиты протяжённых границ. В этих условиях спешно созданное и слабо обученное городское ополчение становилось всё менее эффективным. Требовались постоянные гарнизоны для удержания захваченных территорий и пограничных крепостей, нужна была специализированная пехота для осадных работ и профессиональная кавалерия для стремительных рейдов и полевых сражений. Как писал Макиавелли позже, хотя и критикуя саму систему, граждане, привыкшие жить своими ремёслами и торговлей, неохотно шли на долгую военную службу, а их боеспособность оставляла желать лучшего по сравнению с теми, кто делал войну своей профессией.

Именно в этой ситуации наёмники стали казаться всё более привлекательной альтернативой. Города нанимали их сначала как индивидуумов или небольшими отрядами, часто для специфических задач или на короткий срок. Флорентийские платёжные ведомости начала XIV века показывают сосуществование коммунальной кавалерии и пехоты с отрядами иностранных наёмников. В армии, осаждавшей Пистойю в 1302 году, из 1000 всадников примерно половина была флорентийцами, а из более чем 6000 пехотинцев лишь 1000 были иностранными наёмниками, остальное — городская и сельская милиция. Венеция в войне за Феррару (1308—1313) также в значительной мере полагалась на собственных граждан, вынужденных служить по ротации, хотя это отчасти объяснялось папским интердиктом, отпугивавшим наёмников. Но уже к середине века ситуация кардинально изменилась. В 1359 году, когда флорентийский капитан Пандольфо Малатеста выступил против «Великой Компании», его армия в 4000 всадников состояла уже полностью из наёмников — итальянцев, немцев, венгров, нанятых как самой Флоренцией, так и её союзниками. Элемент милиции (кроме, возможно, вспомогательных отрядов) практически исчез из военного контингента армий.

Часто утверждалось, что переход к наёмным армиям был связан с установлением в итальянских городах новой системы управления — *синьорий*. Якобы новые правители, *синьоры*, не доверяли вооружённым гражданам и предпочитали опираться на преданных им лично наёмных солдат. Аналогично, в олигархических республиках, таких как Флоренция, правящая верхушка будто бы опасалась вооружать собственных работников и ремесленников. Однако эти аргументы представляются упрощёнными и не выдерживают критики. Наёмники, как мы видели, активно использовались и до массового установления синьорий. Более того, власть большинства синьоров основывалась не столько на грубой силе, сколько на согласии и поддержке определённых фракций внутри города. Синьоры часто были лидерами этих фракций, и именно фракционная борьба, а не единоличная тирания, подрывала боеспособность ополчения. Классовый конфликт во Флоренции также не был столь острым, как его иногда представляют, и, как уже отмечалось, низшие классы редко участвовали в милиции. Поэтому причина роста наёмничества крылась не в недоверии правителей к подданным, а в комплексе экономических, политических и военных факторов.

Огромную роль играла сама доступность наёмников. Италия XIV века стала магнитом для военных авантюристов со всей Европы. Политические изгнанники из самих итальянских городов составляли значительную часть первых наёмных отрядов. Завершение эпохи крестовых походов (последний оплот на Святой Земле пал в 1291 году) освободило массу воинов. Периодические вторжения имперских, анжуйских, венгерских армий оставляли после себя шлейф из солдат, искавших нового контракта. Позже, особенно после 1360 года, знаменитые перемирия в Столетней войне между Англией и Францией высвободили целые армии наёмников или *routiers*, которые устремились в богатую и раздираемую конфликтами Италию в поисках добычи и службы. Экономический спад и безработица, особенно в Германии, делали итальянские контракты и возможность грабежа особенно привлекательными. Немцы составляли значительную часть иностранных наёмников в Италии XIV века.

Постепенно менялся и сам способ найма. От индивидуальных контрактов и найма мелких групп города переходили к найму целых организованных отрядов под командованием известных капитанов. Это было удобнее и для нанимателя, и для самих наёмников, так как отряд, сражавшийся вместе под привычным командованием, был более боеспособен. Возникновение кондотты — формального контракта между государством и капитаном (кондотьером), определявшего количество воинов, срок службы, оплату и прочие условия, — стало логическим завершением этого процесса. Изначально кондотта не была чисто военным термином и обозначала любой контракт на выполнение общественных работ или услуг. Но именно в военном контексте она приобрела своё специфическое значение.

В условиях политической нестабильности, постоянных войн и доступности профессиональных солдат переход от ополчения к найму стал закономерным. Города всё чаще предпочитали платить профессионалам, чем отрывать собственных граждан от дел. Старая система, основанная на гражданском долге, постепенно разрушалась под давлением новых экономических и военных реалий. На смену ей приходила система контрактов, профессиональных армий и военных предводителей, которая достигнет своего расцвета в следующем столетии — эпохе кондотьеров.

Глава 3. Свободные компании: анархия и становление

Эпоха свободных компаний

К 1320-м годам ситуация на Апеннинском полуострове кардинально изменилась, породив новый, зловещий тип военной организации — *свободные компании* (*compagnie di ventura*). В отличие от наёмников предыдущего столетия, служивших по контрактам отдельным городам или синьорам, эти новые формирования представляли собой автономные военные силы, не связанные постоянной службой и обязательствами. Они бродили по Италии, превращая войну в источник существования и наживы, существуя за счёт грабежа, вымогательства и кратковременных контрактов с теми, кто был готов заплатить за их разрушительную мощь. Их появление стало настоящим бичом для страны, символом анархии и политического хаоса XIV века.

Что же привело к возникновению этих отрядов? Главным катализатором стала сама природа наёмничества в сочетании с политической нестабильностью. Войны в Италии XIV века, будь то конфликты между гвельфами и гибеллинами, борьба за влияние между крупными державами (Папство, Неаполь, Милан, Флоренция, Венеция) или походы иностранных претендентов (императоры Священной Римской империи, венгерские короли), требовали привлечения значительных контингентов наёмных солдат. Однако по окончании военных действий или во время частых перемирий эти солдаты оказывались без работы и средств к существованию. Для многих из них, особенно для иностранцев — немцев, венгров, французов, англичан, гасконцев, провансальцев, каталонцев, составлявших значительную часть наёмных армий, — возвращение на родину было либо невозможным, либо нежелательным. Осесть в Италии мирным жителем было затруднительно. В этой ситуации у них оставалось три пути: попытаться найти нового нанимателя, что было не всегда легко, особенно зимой; уйти на покой, проживая награбленное, что требовало наличия безопасной базы, которой у большинства иностранцев не было; или же продолжить жить войной, превратившись, по сути, в организованный отряд разбойников.

Именно последний путь и привёл к формированию свободных компаний. Жить грабежом было выгоднее и безопаснее в составе крупного, хорошо организованного отряда, чем в одиночку или малыми группами. Особенно это касалось иностранцев в чужой стране. Италия, с её политической раздробленностью, богатством городов и постоянными междоусобицами, представляла для таких компаний идеальное поле деятельности. Здесь всегда можно было найти слабо защищённую территорию для грабежа или правителя, готового нанять их для войны с соседом. Кроме того, экономический спад и социальная напряжённость в других частях Европы, особенно в Германии, делали Италию особенно привлекательной для безработных солдат.

Первые свободные компании были ещё относительно невелики и действовали локально. Одна из ранних — так называемая «Компания Сиены» — возникла в 1322 году. Источники расходятся во мнениях относительно её ядра: были ли это сиенские изгнанники из семьи Толомеи или немецкие наёмники, уволенные Флоренцией. Вероятнее всего, как это часто бывало, компания сформировалась из обоих элементов — изгнанников, ищущих реванша и средств к существованию, и демобилизованных наёмников. Отряд насчитывал около 500 всадников и неопределённое число пехотинцев. Зимой 1322—1323 годов они провели, опустошая окрестности Сиены и Умбрию, а весной, с появлением новых возможностей для найма у соседних государств, компания распалась.

Более известна «Компания Черульо» (*Compagnia del Ceruglio*), появившаяся в 1329 году. Её ядро составили около 800 немецких всадников, дезертировавших из армии императора Людвига Баварского под Пизой. Они предприняли самовольную атаку на богатую Лукку. Хотя

взять хорошо укрепленный город им не удалось (что было характерно для большинства свободных компаний, не имевших осадной техники и ресурсов для длительных осад), они разграбили окрестности и обосновались на зиму в укрепленном лагере в близлежащих холмах, известном как Черульо. Здесь они избрали своим предводителем итальянца Марко Висконти, родственника миланских правителей, посланного к ним императором для переговоров. Весной им удалось внезапным нападением захватить Лукку. Разграбив город, они проявили своеобразную предприимчивость, продав его генуэзцам за 30000 флоринов. Достигнув, по-видимому, предела своих возможностей, компания поделила добычу и самораспустилась.

Эти ранние примеры показывают типичную модель поведения свободных компаний: стихийное формирование из демобилизованных или дезертировавших солдат, сезонные грабежи, зимовка в укрепленных базах, неспособность к сложным осадным операциям, и роспуск при первой возможности получить выгодный контракт или поделить богатую добычу. Между 1320 и 1360 годами, по оценкам историков, в Италии действовало около 700 предводителей немецких наёмников, а общая численность немецких латников достигала 10000 человек.

Другая группа немцев образовала в 1334 году ядро компании, назвавшей себя «Кавалери делла Коломба» (*Cavalieri della Colomba* или «Рыцари Голубки») по названию аббатства близ Пьяченцы, где они устроили свою базу. Их первоначальные намерения, вероятно, также ограничивались грабежом небольшой территории. Однако вскоре их нанял город Перуджа для войны с Ареццо. «Рыцари Голубки» пересекли Тоскану, разбили аретинцев и по пути разграбили два небольших городка. Этих «успехов» оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание флорентийских вербовщиков, которые наняли 350 человек из компании на службу Флоренции, что привело к её распаду.

Очевидно, что эти ранние свободные компании, несмотря на создаваемый ими хаос, ещё не представляли собой серьёзной военной силы, способной влиять на ход крупных конфликтов. Однако ситуация начала меняться к середине века.

Великие компании и их лидеры

Переломным моментом в истории свободных компаний стало формирование в 1339 году так называемой «Компании Святого Георгия» (*Compagnia di San Giorgio*). Это было уже не стихийное собрание дезертиров, а целенаправленно созданная армия, имевшая конкретную политическую цель. Ее организатором был Лодризио Висконти, член могущественного миланского правящего дома, изгнанный своими кузенами Аццоне и Лукино. Собрав ветеранов недавней войны между Вероной и Миланом, Лодризио сформировал внушительное по тем временам войско: 2500 всадников (включая тяжеловооруженных и их оруженосцев) и 1000 пехотинцев, среди которых было много швейцарцев, уже тогда славившихся своей боеспособностью. Его целью был захват Милана.

Вместе с Лодризио действовали два немецких дворянина, чьи имена станут ключевыми в дальнейшей истории наёмничества: Конрад Виртингер фон Ландау, граф Ландо и Вернер фон Урслинген. Появление этой армии у ворот Милана вызвало серьёзную тревогу. Лукино Висконти спешно собрал имевшихся на службе наёмников и мобилизовал городскую милицию.

«Компания Святого Георгия» двинулась к северо-западу от Милана, где зимой 1339 года у Парабьяго столкнулась с авангардом миланской армии. Был февраль, стоял сильный холод, земля была покрыта снегом. Уставшие после марша из города миланцы не выдержали яростного натиска компании Лодризио. Авангард был разбит и отброшен к городу. Сам Лукино Висконти был сбит с коня, попал в плен и привязан к ореховому дереву. Казалось, победа Лодризио была близка. Но в этот критический момент на поле боя прибыл болонский изгнанник Этторе да Паниго с отрядом из 700 всадников, шедших на подмогу из Милана. Эти свежие силы переломили ход сражения. Лукино был освобождён, он собрал свои войска и бросил их в бой.

Битва при Парабьяго стала одним из самых кровопролитных сражений того периода. Миланская армия, хотя и превосходившая противника численно, едва не была сломлена. «Компания Святого Георгия» потерпела сокрушительное поражение, сам Лодризио попал в плен (проведя затем десять лет в железной клетке). На поле боя осталось более 4000 убитых с обеих сторон. Хотя попытка Лодризио захватить Милан провалилась, масштаб его предприятия и ожесточённость сражения предвещали появление ещё более грозных «свободных компаний» в последующие десятилетия. Впрочем, Лодризио я посвящаю отдельную главу.

Действительно, в 1340-х и 1350-х годах Италия стала ареной действий так называемых «Великих Компаний», превосходивших своих предшественников как численностью, так и организованностью. Одной из самых известных стала «Великая Компания» (*La Grande Compagnia*), сформированная Вернером фон Урслингеном из ветеранов Пизано-флорентийской войны 1342 года. Урслинген, уже известный по кампании Лодризио Висконти, носил на своей кирасе зловещий девиз: «*Duca Guarnieri, signore della gran compagnia, nimico di Dio, di pietà e di misericordia*»¹⁵ или «Герцог Гварнери, господин великой компании, враг Бога, благочестия и милосердия».

Хотя основную массу его войска, вероятно, составляли немецкие наёмники (в компании числилось 3000 барбутов со своими оруженосцами), в ней присутствовал и сильный итальянский элемент. Среди лидеров компании были тот самый Этторе да Паниго, чьё вмешательство решило исход битвы при Парабьяго, и Франческо дельи Орделаффи, синьор Форли. Фигура Орделаффи интересна тем, что он представлял собой новый тип военного деятеля — князя-кондотьера, правителя небольшого государства в Романье, который одновременно выступал

¹⁵ Ricotti, E. *Storia delle compagnie di ventura in Italia*, vol.2. Pomba, 1847, pp. 37—59

и как наниматель, и как член наёмной компании, используя её для расширения собственных владений или продавая свои военные услуги.

В 1342 году «Великая Компания» Урслингена терроризировала Центральную Италию, облагая данью города, опустошая сельскую местность и воюя за любого, кто был готов платить. Однако осенью, при попытке продвинуться на север через Романью, она столкнулась с организованным сопротивлением лиги городов во главе с Болоньей. Болонцы подготовили оборонительную позицию в долине Ламоне, перегородив её заострёнными кольями, врытыми под углом к противнику. Эта преграда, защищаемая решительно настроенной пехотой, оказалась достаточной, чтобы на два месяца задержать кавалерию Урслингена. В конце концов, было заключено перемирие, и компании разрешили пройти через болонскую территорию по согласованному маршруту при условии, что она не будет причинять ущерба. Однако, оказавшись за пределами Болоньи, в Ломбардии, наёмники вновь принялись за грабежи и в итоге были откуплены ломбардскими городами. Урслинген с богатой добычей и основной частью своих немецких солдат вернулся в Германию, а итальянские элементы компании рассеялись.

Успех «Великой Компании» Урслингена продемонстрировал, какой мощной силой может быть крупный, хорошо вооружённый и независимый отряд в политически раздробленной Центральной Италии, где ни одно государство не имело достаточно сил для единоличного сопротивления. Эпизод с Болоньей, однако, показал, что объединённые усилия городов, использование милиции и полевых укреплений могут остановить даже большую компанию. К сожалению, в последующие десятилетия итальянские государства редко демонстрировали способность к эффективному сотрудничеству или сопротивлению вне городских стен.

Вернер фон Урслинген вернулся в Италию в 1347 году, на этот раз на службе у новых захватчиков — венгров. Король Венгрии Людовик I Великий вторгся в Неаполитанское королевство, чтобы отомстить королеве Джованне I Анжуйской за убийство её мужа (и его брата) Андрея Венгерского. Венгерская армия привнесла на итальянскую военную сцену новый элемент — лёгкую кавалерию, вооружённую луками и метательными копьями, полагавшуюся на скорость и манёвр, а не на тяжёлые доспехи. Как и в случае с другими иностранными вторжениями, значительное число венгерских солдат осталось в Италии после ухода основной армии, пополнив ряды последующих наёмных компаний.

Союз между королём Людовиком и Урслингеном был недолгим, и вскоре немецкий кондотьер вновь действовал самостоятельно со своими соотечественниками в Центральной Италии. В 1349 году он объединился с остатками венгерских войск и у Мелето, близ Неаполя, нанёс поражение армии неаполитанских баронов. Среди венгерских командиров был его старый соратник Конрад Виртингер фон Ландау, граф Ландо, а также новая фигура — французский рыцарь из Нарбоны Жан Монриаль дю Бар, известный на итальянской земле как Джованни Монреаль д'Альбарно, которого также называли *фра* Мореале, так как он был бывшим госпитальером. Этот союз трёх лидеров создал самую крупную компанию, которую до тех пор видела Италия. Победа при Мелето была чрезвычайно выгодной: добыча и выкуп за пленных баронов составили более полумиллиона флоринов.

После раздела огромной добычи компания временно разделилась. Вернер и Конрад отправились на север, в излюбленную Вернером Центральную Италию, а фра Мореале остался на юге, извлекая выгоду из хаоса в Неаполитанском королевстве. В 1351 году Вернер фон Урслинген окончательно покинул Италию и вернулся в Германию. Конрад Ландау присоединился к фра Мореале, который теперь возглавил «Великую Компанию».

Под командованием фра Мореале в 1353—1354 годах «Великая Компания» достигла пика своего могущества и организованности. Флорентийский хронист Маттео Виллани оставил её подробное описание. Компания насчитывала около 10000 бойцов и 20000 человек в обозе, включая множество женщин, которые стирали, мололи зерно и готовили пищу. Её организация и дисциплина, по меркам того времени, были впечатляющими. Мореале устано-

вил строгую иерархию, систему распределения добычи (вся добыча сдавалась, продавалась, а деньги делились соответственно рангу и службе), собственную казну, канцелярию и систему правосудия. Он сам выступал как верховный правитель, которому подчинялись все рыцари и солдаты.

Эта огромная и хорошо организованная армия была практически неодолима. Города Тосканы и Умбрии были вынуждены откупаться от неё огромными суммами. Флоренция заплатила 3000 флоринов коннетаблям компании и 25000 лично фра Мореале. Хотя в соглашении с Флоренцией упоминалось 234 командира компании, что указывает на сохранение элементов коллективного руководства, несомненно, фра Мореале был полновластным лидером, удерживавшим эту частную армию своим авторитетом и организаторскими способностями, и получавшим львиную долю доходов. Его личное состояние было огромно: 60000 флоринов, вложенных у венецианских купцов, не считая казны компании и крупных сумм, которые ему задолжало папство за предыдущую службу.

Однако конец фра Мореале был неожиданным и бесславным. В 1354 году, оставив компанию в Читта-ди-Кастелло под командованием Конрада Ландау, он отправился в Рим с небольшим эскортом, чтобы получить от папы долг. В Риме в это время временно захватил власть самопровозглашённый трибун римского народа Никола Габрини, известный как Кола ди Риенцо, называвший себя «*Nicholaus, severus et clemens, libertatis, pacis justitiaeque tribunus, et sacrae Romanae Reipublicae liberator*»¹⁶. Риенцо, желая укрепить свою популярность и пополнить казну, арестовал и казнил фра Мореале 29 августа, обвинив его (возможно, не без оснований) в связях с враждебными Риенцо римскими баронами.

Со смертью фра Мореале лидерство в «Великой Компании» перешло к Конраду фон Ландау, который возглавлял её, с перерывами, до своей смерти от ран 22 апреля 1363 года. В этот период «Великая Компания» имела почти непрерывное существование, временами объединяясь с другой крупной компанией, созданной ещё одним немецким предводителем — Ханнекеном (Йоханнесом) Баумгартеном. Характер компаний, однако, изменился. Они уже не были чисто разбойничьими формированиями, существующими за счёт грабежа и выкупов в периоды безработицы. Теперь это были постоянные военные силы, проводившие большую часть времени на службе у того или иного итальянского правителя. Конечно, они по-прежнему не упускали случая пограбить в периоды между контрактами или получить выкуп от города вместо платы за службу, но их профессиональная военная роль становилась всё более важной.

Несмотря на свои размеры и опыт, «Великая Компания» Конрада Ландау не была непобедимой. Дважды в эти годы она потерпела унижительное поражение от флорентийской армии. В июле 1358 года, когда компания двигалась на юг на помощь Сиене против Перуджи, Ландау договорился с Флоренцией о свободном проходе через её восточные территории в Апеннинах. Однако наёмники нарушили соглашение и начали грабить сельскую местность. Флорентийцы немедленно приняли меры. Смешанное войско из крестьянского ополчения, флорентийских арбалетчиков и наёмников заманило «Великую Компанию» в узкую долину у Скалелле и разгромило её. Немецкая и венгерская кавалерия оказалась беспомощной под градом камней и арбалетных болтов, летевших со склонов. Большинство наёмников было убито или взято в плен.

Однако компания вскоре возродилась в Романье и, объединившись с отрядом Баумгартена, в следующем, 1359 году, попыталась отомстить Флоренции. На этот раз Ландау и Баумгартен попробовали атаковать с запада, в долине Арно, где равнинная местность давала больше преимуществ их кавалерии. Но их ждал флорентийский капитан-генерал Пандольфо II Малатеста с сильной наёмной армией. В битве на Кампо делле Моске (*Campo delle Mosche*, что

¹⁶ «Николаус, суровый и благоразумный, трибун свободы, мира и справедливости, освободитель Священной Римской Республики».

буквально в переводе «Поле Мух») «Великая Компания» была вновь обращена в бегство. Эти поражения показали, что даже самая грозная свободная компания могла быть побеждена хорошо организованной армией итальянского государства, использовавшей знание местности и тактическое мастерство. Тем не менее, эти случаи были скорее исключением, и эпоха крупных компаний удачи, хотя и подходила к своему зениту, ещё не закончилась. Её окончательный закат был связан с появлением на итальянской сцене новой, ещё более грозной силы — ветеранов Столетней войны.

Прибытие «англичан» и трансформация войны (с 1361)

Разгрому «Великой Компании» Конрада Ландау способствовало не столько военное искусство итальянцев, сколько появление в Италии новой мощной военной силы — так называемой «Белой Компании» (*Compagnia Bianca*), состоявшей в основном из ветеранов Столетней войны. Перемирие в Бретињи (1360) между Англией и Францией оставило без дела огромное количество закалённых в боях солдат, которые объединились в несколько свободных компаний, терроризировавших Южную Францию. В 1361 году маркиз Монферратский, незадолго до этого поссорившийся с Конрадом Ландау, пригласил одну из этих компаний, «Белую», перейти Альпы и поступить к нему на службу.

Хотя эту и последующие компании, пришедшие из Франции, в Италии неизменно называли «*инглези*» («англичане»), поскольку в их рядах было много англичан и они использовали английскую тактику, их состав был далеко не однородным. Первым командиром «Белой Компании» был немец Альберт Штерц, а среди её солдат было много французов и немцев. Тем не менее, именно англичане составляли ядро командного состава, включая таких знаменитых в будущем фигур, как сэр Джон Хоквуд и Эндрю Белмонт. Штерц, по свидетельствам, владел английским языком, что облегчало командование, хотя, несомненно, латынь также служила языком общения между командирами разных национальностей и с итальянскими нанимателями.

«Белая Компания», прибывшая в Италию в составе около 6000 человек (преимущественно всадников), принесла с собой тактические новшества, отработанные англичанами в битвах при Креси и Пуатье, которые обеспечили ей немедленное превосходство над существовавшими в Италии военными формированиями. Хронисты того времени подробно описывают особенности этих «английских» наёмников.

Во-первых, их название — «Белая Компания» — якобы, происходило от сверкающих на солнце, тщательно отполированных латных доспехов. Мы про это поговорим в главе про Джона Хоквуда. Так или иначе, но члены компании, вероятно, носили больше пластинчатых доспехов, чем было принято в Италии, и имели достаточно пажей, чтобы поддерживать их в идеальном состоянии. Блеск доспехов, физическая мощь и высокий рост многих солдат производили сильное впечатление на итальянцев.

Во-вторых, они усовершенствовали и широко применяли тактику спешивания тяжёлой кавалерии для боя. Идея спешивания латников возникла как оборонительная уловка, позволявшая твёрже удерживать позицию и сберечь коней от вражеских стрел или копий. Однако англичане превратили её и в грозное наступательное оружие. Отряд спешенных латников, двигаясь плечом к плечу с длинными копьями наперевес, представлял собой почти несокрушимую силу. Для реализации этой тактики была адаптирована структура *lance* — основной тактической единицы тяжёлой кавалерии. Как уже отмечалось традиционное итальянское копье того времени состояло из одного тяжеловооруженного всадника, одного легковооружённого сержанта и одного пажа. В «английской версии» копье состояло из трёх человек: двух тяжеловооруженных латников, которые сражались вместе, прикрывая друг друга спинами в ближнем бою, и одного пажа, который держал их коней в тылу. Пажи подводили коней, когда нужно было преследовать разбитого врага или быстро отступить. Хотя трёхчастное копье как таковое не было абсолютной новинкой для Италии, «англичане» придали ему специфическое тактическое применение в контексте пешего боя всадников.

В-третьих, главной ударной силой «Белой Компании» были лучники, вооружённые знаменитым английским длинным луком (*long bow*). Этот лук превосходил арбалет, доминировавший в итальянской пехоте, как по дальностью, так и, что особенно важно, по скорострельности. Опытный лучник мог выпускать стрелы в несколько раз чаще, чем арбалетчик. Однако

эффективное использование длинного лука требовало большой физической силы, сноровки и долгих лет тренировки. Именно поэтому эта английская тактика не получила широкого распространения в Италии: найти и обучить таких лучников было сложно, а постоянный приток рекрутов с Британских островов иссяк. Кроме того, производство длинного лука требовало особого мастерства, так как представляло собой сложный и многоэтапный технологический процесс. Так или иначе, влияние английского длинного лука на итальянское военное дело оказалось кратковременным.

Наконец, «английские» компании отличались высоким боевым духом и, что особенно ценилось итальянцами, несравненно большей дисциплиной, чем у их предшественников из немецких и венгерских компаний. Это не значит, что их дисциплина была идеальной. Жители Пизы горько жаловались на поведение «Белой Компании» в городе и, по слухам, даже устраивали ложные тревоги, чтобы отправить англичан за городские стены. Однако флорентийцы позже отмечали, что английские солдаты были самыми дисциплинированными из всех, кого они нанимали, всегда аккуратно платили за провиант и не грабили местное население (в отличие от действий на вражеской территории). Итальянцев также впечатляла выносливость англичан: они привыкли совершать ночные марши и вести боевые действия даже глубокой зимой. В отличие от большинства итальянских наёмных отрядов, они имели снаряжение для осадных работ, включая специальные складные штурмовые лестницы и даже ранние образцы артиллерии — бомбарды.

Именно эта новая сила под командованием Альберта Штерца изменила баланс сил в Северной Италии. В 1363 году в Гемме у моста Кантурино «Белая Компания», нанятая маркизом Монферрато, нанесла сокрушительное поражение «Великой Компании» Конрада Ландау, служившей тогда миланским Висконти. В разгар битвы венгерские контингенты Ландау покинули поле боя. Сам Конрад был смертельно ранен. От некогда грозной «Великой Компании» остались лишь жалкие остатки, перешедшие на миланскую службу под командование Ханнекина Баумгартена.

В том же 1363 году «Белая Компания» двинулась на юг, в Тоскану, и поступила на службу Пизе для войны против Флоренции. В 1364 году англичане разбили лагерь на холмах, возвышавшихся над Флоренцией, терроризируя город и его окрестности. Однако даже столь грозная сила не имела шансов взять штурмом большой, хорошо укрепленный город. Компания удовольствовалась грабежом предместий и получением огромного выкупа от Флоренции.

После этой кампании «Белая Компания» распалась. Альберт Штерц объединился с Ханнекеном Баумгартеном, сформировав «Компанию Звезды» (*Compagnia della Stella*), которая двинулась на юг, опустошая земли Сиены и Папского государства. Оставшаяся часть «Белой Компании», продолжавшая служить Пизе, перешла под командование сэра Джона Хоквуда, фигуры, которой суждено было стать одним из самых знаменитых и влиятельных кондотьеров на итальянской земле в течение последующих тридцати лет. Карьера Хоквуда ознаменовала собой постепенный закат эпохи независимых свободных компаний и переход к новой эре взаимоотношений между наёмными капитанами и итальянскими государствами.

Глава 4. Угуччоне делла Фаджиола

Эпоха, когда на сцене итальянской истории появился Угуччоне делла Фаджиола, была временем острых политических дрязг и непрекращающихся распрей, глубоко укоренившихся в борьбе между двумя великими фракциями, определившими лицо Средневековой Италии — гвельфами и гибеллинами. Эта борьба, начавшаяся в противостоянии Императора Священной Римской империи и папства, с течением столетий переросла в нечто большее: столкновение коммун, соперничающих семей, и просто предлог для местного насилия и передела влияния.

После смерти императора Фридриха II Гогенштауфена в конце 1250 года, потрясшее гибеллинов Италии, казалось бы, ознаменовало их решительное поражение. В Тоскане, в частности, последовало относительное затишье: Флоренция, сердце гвельфской фракции, и Пиза, твердыня гибеллинов, вели тонкую игру дипломатии и временных перемирий, утомлённые затяжным конфликтом. Однако вскоре этот шаткий мир рухнул. При поддержке короля Манфреда, незаконнорождённого, но амбициозного сына Фридриха II, изгнанные из Флоренции гибеллины под предводительством своего прославленного, хотя и мрачно известного, лидера Фаринаты дельи Уберти, собрали силы и одержали в 1260 году сокрушительную победу над гвельфами при Монтаперти. Эта кровавая битва перевернула политический ландшафт Тосканы, поставив её, если не всю, то большую часть, под гибеллинский флаг.

К сожалению для сторонников Империи, последующие десятилетия принесли три катастрофических поражения от гвельфских армий под знамёнами французских принцев, призванных папством: Беневенто в 1266 году, Тальякоццо в 1268 году и Колле ди Валь д'Эльса в 1269 году. Эти сражения не только стоили жизни Манфреду и его наследнику Конрадину, но и вновь ослабили гибеллинскую партию в Тоскане. Имперское присутствие почти сошло на нет; длительное междуцарствие после смерти Фридриха II и бездействие сменивших его монархов, таких как Рудольф I Габсбургский, оставили гибеллинов без мощной внешней поддержки, полагаясь лишь на внутренних лидеров, ставшие символами фракции в конце XIII века. Среди них выделялись Руджеро Убальдини, архиепископ Пизы, и Гульельмо Убертини, епископ Ареццо, которые возглавили гибеллинские силы, потерпевшие поражение от флорентийских и их союзников при Кампальдино в 1289 году.

Конец века и начало XIV века принесли новые потрясения. Внутренние раздоры, даже в гвельфских рядах Флоренции, привели к расколу на чёрных (*neri*) и белых (*bianchi*) гвельфов, где последние временами склонялись к гибеллинским позициям. Очагом этой распри стала Пистойя. Общее смятение в Тоскане усугубляло бедственное положение гибеллинов, ещё больше оставленных на произвол судьбы Империей, занятой немецкими делами и неспособной оказать реальную помощь своим тосканским приверженцам.

Однако новая надежда забрезжила, когда в 1308 году немецкие князья избрали Генриха VII Люксембургского императором. Его амбициозные планы восстановить имперское величие в Италии возродили дух гибеллинов, которые узрели в нём своего избавителя и возможность триумфа. Но и гвельфы не дремали: они укрепили свой союз городов, образовав лигу под покровительством влиятельного и деятельного короля Неаполя, Роберта Анжуйского, внука Карла Анжуйского, завоевавшего Неаполитанское королевство.

Среди тосканских гибеллинских городов именно Пиза наиболее остро ощутила трагедию ранней смерти Генриха VII в 1313 году. Пизанцы, всегда преданные Империи, встречавшие Генриха с небывалым почётом, осыпавшие его дарами и войсками, теперь столкнулись лицом к лицу с могущественной гвельфской лигой во главе с Неаполем, опасаясь возмездия за свою имперскую приверженность. Часть сопровождавших Генриха правителей немецких земель вернулись в Германию, но некоторые — десять баронов, осознавая опасность для Пизы, согласились остаться в качестве гарнизона и поступили на службу города. Впрочем, это вовсе

не была история *a-la* семь самураев — вместе с ними были наняты их внушительные отряды — около 1500 человек (по другим данным — 1100).

Осознавая слабость своей защиты, пизанцы активно искали поддержку у влиятельных правителей. Сначала они обратились к сыну Генриха VII, королю Богемии Иоанну Слепому, но тот, озабоченный делами в своих владениях, отверг их предложение. Затем они попытались счастья с королём Сицилии Федерико III, внуком Фридриха II, но и он не согласился, будучи занят защитой своего королевства от интриг Неаполитанского короля Роберта. Даже могущественные графы, такие как граф Эдуард Савойский и граф Фландрии Роберт III Бетюнский, к которым также обращались пизанцы, не проявили желания помочь. Последний даже пренебрёг их предложением и, как сообщают источники, способствовал тому, что наёмные рыцари, уже находящиеся на пизанской службе, покинули город.

Наконец, в отчаянных поисках сильного покровителя, пизанцы нашли того, кто откликнулся на их зов: Угуччоне делла Фаджиола. Этот прославленный гибеллинский военачальник находился в Генуе в качестве викария покойного императора Генриха VII. Угуччоне, к этому времени уже зрелый муж с немалым опытом командования и солидной репутацией в Италии, казалось идеальной кандидатурой. Однако его путь в Тоскану лежал издалека и был он весьма неординарной личностью...

Великий поэт Данте Алигьери, возможно, увековечил его в «Божественной комедии». Некоторые исследователи видят в нем того самого «славного Пса»¹⁷ (Стих 100) из пророчества Вергилия, призванного сокрушить волчицу жадности. Итальянский поэт, государственный деятель и мыслитель Карло Тройя пытался обосновать в своей работе «*Del Veltro Allegorico di Dante*» (О Аллегорическом Вельтро Данте), посвящённой Данте и гибеллинам. Публикация этой гипотезы в XIX веке вызвала настоящую полемику в академических кругах, разделив исследователей на горячих сторонников и не менее убеждённых противников.

Если эта аллюзия и кажется экспертам ошибочной (современники, хорошо знавшие Угуччоне, отмечали его свирепый нрав, алчность и стремление к тирании, что слабо вяжется с образом идеального избавителя, созданным Алигьери), и во многом порождённой преднамеренной «оплошностью» другого современника героя нашего повествования — Джованни Боккаччо, известного своей склонностью к шуткам, тем не менее, сам подобный дискурс остаётся, при всех необходимых оговорках, явным признаком того, насколько была заметна личность и слава Угуччоне.

Как же он достиг таких высот? Просто оказался в нужное время в нужном месте. В эпоху, когда папы, императоры и князья рвали Италию на части, а гвельфы и гибеллины десятилетиями проливали кровь друг друга, человек с мечом и толикой ума мог взлететь к вершинам власти... если выживал в этой, как бы мы сейчас сказали, высоко конкурентной среде. Угуччоне был именно таким человеком — дитя своего жестокого, но полного возможностей времени.

¹⁷ Поэт говорит о породе вельтро (veltro), что ближе к известной в наше время борзой.

Молодость и первые успехи

Угуччоне родился предположительно в 1250 году в Кастельдечи, деревушке, входившей тогда в Масса Трабария на границе между Романьей, Марке и Тосканой. Его отцом был некий Раньери, из рода мелких феодалов, происходившего, впрочем, от могущественных графов Карпенья, которые в течение XIV века владели 70 замками в этом районе. О детстве Угуччоне хроники молчат, но не нужно быть провидцем, чтобы представить картину: мальчишка, с утра до ночи махающий деревянным мечом, упорно оттачивающий искусство верховой езды, впитывающий, как губка, военную науку. Пока сверстники гоняли кур и свиней по деревне, юный Угуччоне готовился к большой игре.

И вот, 1275 год. Ему всего около 25, а его имя уже гремит в рядах гибеллинов. Как ему это удалось? Талант? Безусловно. Но главное — железная хватка и готовность рискнуть всем в мире, где каждый день мог стать последним. Угуччоне не просто вписался в эту эпоху — он стал её воплощением и, надо добавить, признанным и в народной молве, и среди других выдающихся персонажей того времени.

Чезаре Бальбо, итальянский историк и политик XIX века, рисует Угуччоне как фигуру почти мифическую. В своей «Жизни Данте» (*Vita di Dante*) он приводит рассказы его современников, «великие рассказы о силе и храбрости» этого кондотьера, способного в одиночку противостоять целой армии.

Бальбо описывает его как великана с огромным оружием и отменным аппетитом. «*Fiera e paurosa vista*» — «свирепый и устрашающий вид» Угуччоне, по словам автора, мог обратить врагов в бегство. И, казалось бы, перед нами типичный образ «грязного и прожорливого головореза», каких было немало среди кондотьеров того времени. Но Бальбо даёт понять, что наш герой все же другой — «тем не менее, те, кто его знал, утверждают, что лицо его было весёлым, и что необычайная крепость тела сочеталась в нем с умом и искусством красноречия». Такой портрет заставляет задуматься: был ли Угуччоне чем-то большим, чем просто очередной удачливый наёмник? Возможно, именно эта необычная комбинация качеств и вывела его в первые ряды военачальников своего времени.

Бальбо, конечно, рисует вполне привлекательный портрет Угуччоне. Но давайте посмотрим правде в глаза. Да, у него были особые качества — без них в те времена далеко не уедешь. Но чем же он на самом деле прославился? Угуччоне был мастером военного дела, это бесспорно. Но его истинный талант проявлялся в более темных искусствах. Убийства, предательства, вероломство, преступления — вот в чем он действительно преуспел. И не стоит романтизировать эту фигуру. Угуччоне был продуктом своего времени — жестокого, кровавого, не признающего моральных ограничений. Он просто оказался ловчее и безжалостнее многих своих современников.

Угуччоне не появился из ниоткуда. Как и многие кондотьеры того времени, он набирался опыта у более опытных военачальников. Его ранняя карьера связана с Магинардо Пагани да Сузинана — ещё одним авантюристом, чьё имя гремело в Центральной и Северной Италии. Он был с ним и на стороне Гуидо да Монтефельтро суль Сенио, когда в 1275 году гибеллины Форли разгромили гвельфов Болоньи в битве у моста Сан-Проколо.

Затем Угуччоне на время исчезает из хроник, но мельком проявляется в 1286 году в Митта-ди-Кастелло, где выступает свидетелем при продаже имущества Тано дельи Убальдини. Казалось бы, мелкий эпизод, но он говорит о многом — к своим, примерно, 36 годам Угуччоне уже заработал репутацию человека, военные подвиги которого поставили его в положение, когда его считали достойным доверия аппенинского синьора, который счёл важным его присутствие при акте сделки.

Мы вновь встречаем Угуччоне через шесть лет — в 1292 году, когда он наконец вступил в официальную политику в качестве подесты Ареццо. Для многих это стало бы вершиной карьеры. Должность подесты часто открывала путь к абсолютной власти над городом и созданию своей династии правителей, которая увековечила бы эту власть. Но Угуччоне хотел намного большего.

Он удерживал этот пост четыре года, до 1295 года. Примечательно, что ему удалось обойти законы, ограничивавшие срок мандата шестью месяцами или годом. Это говорит о его растущем влиянии.

В течение этого периода он поддерживал как гибеллинскую партию нобилей, так и народные массы, с помощью которых надеялся сохранить и приумножить свою власть в условиях кровавых внутренних распрей, царивших в городе. Он шел по пути, уже проторённому многими, в поисках популистского консенсуса, нацеленного на построение личной синьории, которая нивелировала бы амбиции местных великих домов, таких как гибеллины Тарлати и гвельфы Бостоли. Многие до него пытались играть на противоречиях между партиями и классами. Но в этой политической игре Угуччоне показал себя не с лучшей стороны. Военный талант не всегда идёт рука об руку с политическим чутьём. Его проект оказался «достаточно запутанным», как деликатно выражаются источники.

Надо признать, что удержать власть в итальянском городе того времени было задачей не из простых и не для слабонервных. Впрочем, забегаю немного вперёд, проект наследственной синьории Угуччоне, будучи многообещающим, оказался в конце, определённо, неудачным. Этому во многом способствовали деспотические методы правления Угуччоне, которые, должно быть, не снискали ему большой симпатии ни в народе, ни среди знати. В 1295 году он примкнул к «Лиге друзей» (*Lega amicorum*) в Ардженте, созданной маркизом Аццо VIII д'Эсте вместе с городами Чезеной, Фазнцей и Форли. Альянс выступил против гвельфской Болоньи, поддерживаемой войсками под командованием папского ректора Гийома Дюрана.

Кампания в Романьи и гнев Святого престола

В ходе кампании Угуччоне проявил себя дважды: помог Скарпетте Орделаффи, правителю Форли и генеральному капитану гибеллинов Романьи, осаждавшему Имолу, а в апреле следующего года на реке Сантерно разгромил болонское подкрепление, спешившее к той же Имоле. Его люди разбили 4000 пехотинцев и неопределённое число всадников под командованием Якопо дель Кассеро, захватив при этом ещё и две тысячи пленных. Этот разгром продемонстрировал не только военный талант Угуччоне, но и беспощадность, свойственную войнам той эпохи, когда судьба пленников часто была трагична.

Кондотьер вершил свою волю и зарабатывал свои репутацию, и наконец в марте 1296 года ему удалось взять Имолу — важная стратегическая победа для Угуччоне. В марте же он был признан главой (*il principale*) фракции гибеллинов в Романье после того, как их прежний лидер Гуидо да Монтефельтро признал власть папы Бонифация VIII, принял монашеский постриг, вступив в орден францисканцев. Успех Угуччоне продолжился захватом в июле Луго, где ему помогли перебежчики из числа горожан. Став синьором города, он усилил его укрепления, добавив новые бастионы к существующей крепости.

Военные успехи Угуччоне укрепили его положение среди союзников, но вызвали гнев папы Бонифация VIII (в миру: Бенедетто Каэтани). Понтифик отлучил его от церкви за участие в «отвратительной лиге». Угуччоне, похоже, не придавал этому большого значения, тем более что компанию в этом отлучении ему составил могущественный Орделаффи. Не случайно, что именно в Форли в 21 февраля 1297 года Угуччоне был избран генерал-капитаном коалиции (Форли, Фаэнца, Имола, Кастрокарро-Терме, Баньякавалло), сместив Магинардо Пагани, который до того момента занимал эту должность.

Признанный как влиятельный представитель союза гибеллинов в регионе, Угуччоне воспользовался своими военными силами, чтобы начать разорять сельские районы вокруг Болоньи. Ужас, который ему удалось посеять среди мирного сельского населения, заразил и его противников, которые в мае того же года, перехватив его в окрестностях замка Сан-Пьетроди-Терме, предпочли отступить к реке Селларо, избегая прямого столкновения с силами кондотьера. По некоторым источникам, его спасла не сила, а смелость и военная хитрость. Надо сказать, что тогда от разгрома кондотьера спасла только его смелость. Явно находясь в проигрышной ситуации, он демонстративно разбил лагерь перед глазами изумлённого противника и начал готовиться к битве. Эта демонстрация силы духа заставила противника пересмотреть свои планы. Несмотря на то, что Угуччоне удалось избежать неудобного ему сражения и без потерь вернуться в Имолу, это событие не прошло для него даром. Папа, вероятно утомлённый непрерывными победами Угуччоне, инициировал мирные переговоры. Однако, вплоть до этого события, они не приносили существенных результатов. Поражение у Селларо сделала его более склонным к компромиссу. По крайней мере на тот момент. Мирный договор 1299 года заставил кондотьера вернуть Луго архиепископу Равенны.

Новый подеста Ареццо и кампания против Губбио

Угуччоне не тратил много времени на размышления о своей неудаче, тем более что на исходе 1299 года он снова был в Ареццо, где занял сразу пост подесты и капитаном народа, вероятно, устроив как представителей городской аристократии, так и народа.

Первый год нового века застал его во главе армии, направляющейся против Губбио — гвельфского оплота в Центральной Италии. Вместе с графом Урбино Федерико I да Монтефельтро, предком одного из самых ярких государей эпохи Возрождения¹⁸, и его двоюродным

¹⁸ Я имею ввиду, конечно, Федерико III (1422 — 1482).

братом Галассо, Угуччоне захватил замок Пьегга близ Секкьяно, где истребил семью местных правителей Оливьери, что спровоцировало вендетту. Жители Пьетраруббии в отместку убили нескольких родственников Монтефельтро, но не тронули Угуччоне и его близких.

Несколько дней спустя, в мае 1300 года, вместе с Федерико да Монтефельтро и графом Джьяджоло Уберто Малатеста¹⁹ Угуччоне с войсками Ареццо захватывает Губбио. По большому счету, город был просто сдан горожанами, которые выступали против папской власти.

Угуччоне, не теряя времени, провозгласил себя подестой, но его триумф оказался недолгим. Гвельфы Губбио, ускользнувшие от его гнева, нашли убежище у Бонифация VIII. Достаточно быстро папа, не терпящий очередного вызова своей власти, отправил на защиту своих интересов своего главного дипломата — кардинала Наполеоне Орсини, легата Сполето и Анконы. Впрочем, методы Орсини трудно было назвать дипломатическими, да и его высокий церковный сан тоже не должен вводить в заблуждение. Эта миссия требовала совсем других талантов — талантов военачальника. И в 1300 году кардинал со своей армией отвоёвывает Губбио. Самому Угуччоне приходится отступить в замок Чезена, область Романья, причем, предварительно вместе с Федерико да Монтефельтро и Чаппеттино дельи Убертини взяв его штурмом, в том числе с помощью осадных орудий.

Закрепившись в Чезене, июнь 1300 года кондотьеры проводят в обыденных для себя занятиях — грабят дома гвельфов и совершают набеги на окружающие город контадо, грабя и угоняя пленников и скот. Вновь методы «ведения хозяйства» Угуччоне приводят к тому, что в Чезене вспыхивает восстание гвельфов во главе с Рауле деи Маццолини, заручившихся поддержкой кардинала Маттео д'Акваспарта, ректора Романьи. Угуччоне опять приходится бежать со своими людьми в Ареццо при этом захватив ещё один город — Борго Сан Сеполькро (современное название Сансеполькро), который находился во все той же провинции Ареццо и был известен своим бенедиктинским монастырём, процветавшим на пилигримах со времён Крестовых походов.

¹⁹ Он был ещё одним двоюродным братом да Монтефельтро и на тот момент был генерал-капитаном Романьи.

Союз с белыми гвельфами и история о Данте

После неудачной кампании в Романье и вынужденного отступления, вернувшись в свой любимый Ареццо, Угуччоне обнаружил, что пришло время для манёвра, типичного для многих подобных ему деятелей — поворота на 180 градусов. В 1302 году «добрый» Угуччоне, ещё вчера пламенный приверженец гибеллинского знамени, резко развернулся в сторону лагеря сторонников понтифика. В январе того же года он подписывает мирный договор с синьором Римини Мاستином «Старшим» Малатестой да Веруккьо и Гуидо да Полентой — убеждёнными гвельфами и, казалось бы, заклятыми врагами ещё мгновение назад. Более того, в этом акте неожиданного покаяния приняли участие и его братья Уго и Ринальдо, а также его товарищ по оружию, который давно перестал быть просто патроном Угуччоне — Федерико да Монтефельтро.

К этому внезапному повороту Угуччоне подтолкнули заманчивые посулы Бонифация VIII. Папа на них не скупился. Помимо снятия ранее наложенного отречения от церкви и других наказаний, он был готов подтвердить территориальные владения Угуччоне. Более того, в ходе переговоров, папа намекнул на возможность облачения одного из сыновей кондотьера в кардинальскую мантию. Алый цвет этого одеяния настолько затуманил взор Угуччоне, что вскоре он, продолжая цветовую аналогию, стал принимать черных за белых. Здесь нужно немного конкретизировать...

Если конфликту между гвельфами и гибеллинами шёл уже третий век и к моменту, когда Угуччоне перешёл под другой флаг, уже практически сошёл на нет (после решающих побед тосканских гвельфов в 1289 году), то разделение между фракциями гвельфов было достаточно свежим. После того как в 1289 году тосканские гвельфы одержали окончательную победу над гибеллинами в битвах при Кампальдино и при Викописано, между самими гвельфами, как водится, началась междоусобица. Касалась она в первую очередь флорентийских гвельфов, которые к 1300 году разделились на «черных» и «белых». Черные продолжали поддерживать папство, в то время как белые выступали против папского влияния, в частности непосредственно влияния папы Бонифация VIII.

Итак, не успел Угуччоне освоиться в новом лагере, как к нему — человеку, который, напомним, до недавних пор, слыл уважаемым гибеллином — в двери постучались белые гвельфы, изгнанные из родной Флоренции своими черными собратьями, Угуччоне. Поначалу кондотьер не мог не порадоваться такому наплыву в Ареццо столь достойных людей, сильных как в военном, так и в финансовом плане. От них он мог ожидать серьёзной поддержки в достижении тех целей, к которым так неистово стремился.

Стоит отметить, что среди этих беглецов выделялась фигура некоего Данте Алигьери. Именно в этих обстоятельствах поэт, если верить одной любопытной истории, якобы решил посвятить кондотьеру своё новое творение. Эта история дошла до нас в виде предполагаемого письма, которое некий Иларио, монах монастыря Санта-Кроче-дель-Корво в Луниджане, якобы отправил Угуччоне.

Послание, написанное на весьма посредственной латыни с множеством ошибок, не лишённой, впрочем, литературных претензий, что указывало на то, что монах Иларио относился к интеллектуальным кругам монастыря, будучи, вероятно, библиотекарем или главой переписчиков, повествовало о его неожиданной встрече с поэтом. Данте, скрываясь со другими белыми гвельфами в монастыре и найдя там очередное кратковременное убежище, был признан монахом. В знак благодарности за проявленное к нему признание и восхищение, поэт решил оставить копию «Ада» с некоторыми глоссами и просьбой отправить её Угуччоне.

Чтобы добавить подробностей этой истории, рассказывают, что монах, удивлённый выбором народного языка, а не латыни для столь серьёзного произведения, получил неожидан-

ное признание от Данте. Поэт поведал, что изначально он действительно начал писать поэму латинским гекзаметром. Он даже процитировал монаху начальные строки поэмы: «*Ultima regna canam, fluido contermina mundo, / spiritibus que lata patent, que premia solvunt / pro meritis cuicumque suis*»²⁰. Однако затем Данте выбрал народный язык, а точнее тосканский диалект, учитывая, по его словам, малое уважение, которым пользовались великие латинские поэты в те времена.

Иларио, как гласит легенда, не преминул передать все это кондотьеру, добавив интригующее предупреждение: если Угуччоне захочет прочесть две другие части дантовой поэмы (Чистилище и Рай), ему придётся обратиться к другу Данте и кондотьеру Мороэлло Маласпина и королю Сицилии Федерико III Арагонскому. Это письмо, приведённое в «Дзибальдоне Лауренциано» (*Zibaldone Laurenziano*) — автобиографии Боккаччо — до сих пор остаётся одним из самых загадочных сюжетов в биографии Данте. Хотя Боккаччо не славился как фальсификатор, вся история напоминает, по меньшей мере, изящную шутку автора «Декамерона», чья натура весельчака хорошо известна.

Гораздо более достоверным кажется фактическое пребывание Данте на землях Угуччоне. Об этом свидетельствуют глубокие знания поэтом окрестностей замка Масса Трабария: дороги на Сан-Лео, массива горы Катрия. Вероятно, около 1302 года Алигьери действительно бывал в этих краях, хотя не очень понятно, как гибеллинские убеждения большинства местных синьоров в этих краях делали присутствие Данте безопасным. Само по себе возможное нахождение Данте в Ареццо в период, когда там подестой был Угуччоне, кажется вполне вероятным, учитывая размер города. Личное знакомство кондотьера и великого поэта — спорно. По некоторым источникам, оно действительно произошло в январе того года. С учётом того, что даже сейчас коммуна Ареццо не такая многочисленная, в начале XIV века она была ещё меньше, что, конечно, увеличивало саму вероятность их встречи. Однако, тут вмешивается политика, и, совершенно, не факт, что Угуччоне поймав удачу за хвост, подверг бы её риску неосторожной встречи с Данте, который будучи белым гвельфом, был, соответственно, в той или иной степени сторонником императора.

Так или иначе, поэта и его друзей-изгнанников ждало горькое разочарование. Их скопление вызвало подозрения у Бонифация, который поддерживал вполне резонно черных гвельфов²¹. Папа, не гнушаясь лестью, убедил Угуччоне усложнить жизнь беглецам. Тот, польщённый вниманием понтифика, стал всячески притеснять изгнанников, и им пришлось искать убежища в Форли. Как отмечают современники, в этот момент Угуччоне уже вёл себя как единоличный синьор, забыв о своих временных полномочиях. Был среди них и Данте, который, вероятно, если и испытывал в начале какие-то иллюзии относительно кондотьера, то на момент ухода из Ареццо вряд ли теперь рассматривал Угуччоне на роль «вельтро» из «Божественной комедии».

Тройя в своей второй работе о Данте и «вельтро» утверждал, что первый кантик «Божественной комедии» — «Ад», был завершён и опубликован Данте около 1308 года. Согласно этой датировке, пророчество о «славном псе», являющееся ключевым для понимания политических взглядов Данте в этот период, должно было отражать его чаяния до активного появления Угуччоне на военной и политической сцене Тосканы. Однако, проследив жизнь Угуччоне

²⁰ «Я буду петь о последних царствах, граничащих с текучим миром, Которые широко открыты для духов и которые воздают награды Каждому по его заслугам». (Перевод автора — А.К.).

²¹ Черные гвельфы обвиняли Данте в коррупции и финансовых преступлениях в то время, когда Данте в течение двух месяцев в 1300 году исполнял обязанности городского приора (высшая должность во Флоренции). В 1302 году поэт находился в Риме, поскольку Папа, поддерживавший черных гвельфов, предложил Данте остаться там. Первоначально речь шла об изгнании на два года и огромном штрафе, который Данте не мог заплатить отчасти потому, что считал себя невиновным, а отчасти потому, что все его имущество во Флоренции было конфисковано черными гвельфами. В результате он был приговорён к вечному изгнанию и, если бы он вернулся во Флоренцию, не заплатив штраф, его могли бы сжечь на костре.

до 1308 года, трудно найти в ней основания для столь возвышенных ожиданий со стороны поэта по отношению к этому уже немолодому оппортунисту.

Подозрения Папы и изгнание из Ареццо

Будучи избранным подестой Ареццо в шестой раз, Угуччоне возглавляет посольство к папе Бенедикту XI, где его принимают со всеми почестями. Встреча с папой и его новые посулы, включая всё то же обещание сделать сына кардиналом, не мешают ему вновь вернуться к делу гибеллинов. Тут важно отметить, что гибеллинизм в Ареццо, словно в насмешку копируя флорентийский гвельфизм и предвосхищая современные политические реалии, раскололся на две фракции. С одной стороны — секки (итал. *secchi* — буквально «сухие»), воплощение аристократических дворянских кругов, во главе с семьёй Тарлати, синьорами Пьетрамалы. С другой — верди (итал. *verdi* — буквально «зелёные»), выразители народных чаяний, на которые делал ставку Угуччоне. Первые представляли более радикальное направление в гибеллинизме, видя в папе бельмо на глазу и ратуя за непримиримую борьбу с ним. Вторые выражали более умеренную позицию, которую разделял и Угуччоне.

Угуччоне вновь открывает двери Ареццо для белых гвельфов. Вместе с Федерико да Монтефельтро он поддерживает правителя Форли и главу гибеллинов этого города Скарпетту Орделаффи против флорентийцев и осаждает Пуличчано в Муджелло. Однако, атакованный кондотьером, подестой Флоренции, гвельфом Фульчери да Кальболи он вынужден отказаться от дальнейших военных действий. Благодаря Фульчери белые гвельфы и гибеллины Орделаффи были разбиты и обращены в бегство. Ненависть к противникам толкает Фульчери на особую жестокость по отношению к побеждённым — так, во Флоренции обезглавливают 10 пленников. В отместку Угуччоне завладевает Кастильон-Фиорентино — коммуной, расположенной в области Тоскана, в провинции Ареццо.

Последний успех Угуччоне не делает существенной разницы — граждане Ареццо воспринимают Угуччоне как марионетку в руках папы. В июле 1303 года Федерико да Монтефельтро и Чашпеттино дельи Убертини заменили его в магистрате Ареццо. Кондотьеру пришлось удалиться в родовые владения. Дино Компаньи, хронист того времени, объясняет его изгнание некими туманными «подозрительным действиям», ставшим прямым следствием внутригородской фракционной борьбы.

Впрочем, Угуччоне не теряет времени даром. Оказавшись вне игры в Ареццо, он с пользой занялся расширением своих земель в Романьи и Марке, скупая в течение нескольких лет территории в графстве Боббио, в Масса Трабария и Монтефельтро. Но главное — он завязал новые ценные союзы, выдав одну из своих дочерей замуж за Корсо Донати, амбициозного лидера фракции белых гвельфов во Флоренции. Этот брак стал значимым политическим ходом, связывая Угуччоне с одной из самых влиятельных флорентийских родов.

В октябре 1308 года союз Угуччоне с Корсо Донати получил шанс проверить себя в деле. Корсо попытался захватить власть во Флоренции, бросив вызов черным гвельфам. Угуччоне, предвкушая возможность запустить свои когти в столь лакомый кусок как «город лилий», незамедлительно откликнулся. Собрав внушительные силы — 4000 пехотинцев и 400 всадников — он двинулся к Флоренции. Однако синьория города оказалась хитрее, пустив ложный слух об аресте Донати. На самом деле Корсо забаррикадировался в своих домах в *сестьере*²² Порта Сан Пьетро, в отчаянное ожидая помощи от тестя. Угуччоне, поверив в арест зятя, останавливается в Ремоле, недалеко от Понтассиева. Лишённый последней надежды на помощь, Корсо пал жертвой народного гнева и вскоре был схвачен и убит в районе Ровеццано.

А что наш кондотьер? Вместе со своим братом Фондацца и племянником Паолоццо он берёт в аренду у монастыря Сан Донато-ин-Пульпиано замки Майоло и Рокка-ди-Майолетто

²² Итал. *sestiere*, от итал. *sesto* — шестая часть. Является территориальной единицей некоторых городов Италии, например, Флоренция и Венеция.

недалеко от Сан-Лео. Здесь нет никакого стяжательства. Просто, чтобы оставаться заметной военной силой в регионе, Угуччоне нужно было кормить и обеспечивать жалованием своим людям.

Эта эпоха не была бы столь колоритной и интересной, если в ней захлопнувшееся окно возможностей, не открывало другое... Когда флорентийская авантюра провалилась, перед Угуччоне вновь открылись ворота Ареццо. Новый подеста Франческо ди Тано дельи Убальдини, стремился примирить враждующие городские фракции, что способствовало возвращению Угуччоне. Оказавшись в городе, кондотьер не повторил прежних ошибок. На беду Убальдини, он молниеносно сменил союзников, покинув фракцию зеленных гвельфов ради сухих и заключив выгодный альянс с Тарлати, для последователей которых открывают ворота Ареццо. Целые сутки на улицах города шли кровавые бои, в которых верх наконец одержали сторонники Тарлати. С помощью Тарлати, Угуччоне делла Фаджиола вновь становится подестой города вместо Убальдини. В это время у него завязывается союз с капитаном народа Чаппеттой да Монтакуто. У деятельной натуры Угуччоне далекоидущие планы на этот союз. Вновь, кондотьер маневрирует между нобилиями и народом, одной фракцией и другой. Чтобы на время прикрыть свои внешние тылы, он заключает мир с Флоренцией. Тарлати изгнаны из города, а в ворота города открываются и для гвельфов. Весной 1309 года он осуществляет «рокировку» с Чаппеттой, который становится подестой Ареццо, а сам Угуччоне — капитаном народа. Казалось бы, вновь, можно ставить точку в карьере, но нет...

Все той же весной Угуччоне вступает в конфликт с самим Чаппеттой по вопросу автономии, предоставляемой народу. В Ареццо происходят беспорядки и в конце апреля Угуччоне объединяет функции подесты и капитана народа... в своём лице. Он возвращает семью Тарлати, они ещё не знают, что ненадолго, в Ареццо и изгоняет зелёных гибеллинов и гвельфов.

Угуччоне не откажешь в природном чутье. Будучи автором многочисленных предательств, он понимает, что и другие, используя язык современной социологии, акторы разделяют схожее мировоззрение. Но Угуччоне готов и к этому. Он укрепляет Ареццо и выстраивает два бастиона (баттифолли)²³: один в сторону Пьетрамалы и другой в сторону Пенны. И не зря...

Строительство укреплений оказалось прозорливым решением, так как напряжение с гвельфами продолжало расти. Зимой 1310 года на помощь Тарлати прибывают флорентийские войска. Сначала Угуччоне потерпел жестокое поражение от более малочисленных сил противника, впрочем, усиленных 300 каталонскими всадниками, любезно предоставленными неаполитанским королём Робертом Анжуйским. Затем в феврале 1310 года он понёс сокрушительное поражение от армии Диего делла Ратта²⁴. Враг, проникнув через Вальдарно с 400 всадниками и 6000 пехотинцами, опустошал земли Угуччоне. В битве у Кортонь Угуччоне был разбит, потеряв три знамени, и чудом сумел бежать и укрыться за спасительными стенами Ареццо. Несмотря на личное мужество кондотьера, эти поражения на время ослабили его позиции.

В июне того же года Угуччоне блестяще организовал оборону города от осаждающих его, воодушевлённых победами, флорентийцев. Неожиданная помощь пришла от императора

²³ От «battifolle» — слово неизвестной этимологии.

²⁴ Родом из Каталонии, он стал родоначальником семьи Ратта (ранее «де Ла Рат»). Он переехал в Неаполитанское королевство во время Сицилийской вечерни, восстания в Палермо в 1282 году, которое привело к изгнанию анжуйцев с острова. Вероятно, он прибыл с Виолантой Арагонской, первой женой Роберта Анжуйского. Диего принимал участие в различных военных кампаниях, заслужив благосклонность неаполитанского двора и получив вотчины и титулы. Он главный герой третьей новеллы шестого дня «Декамерона». Боккаччо описывает его как обаятельного обольстителя. Диего влюбляется в замужнюю женщину, Монну Нонну де Пульчи, племянницу флорентийского епископа и за то, чтобы заполучить девушку, платит её мужу, который принимает деньги. Однако лишь на следующий день муж обнаруживает, что монеты фальшивые. Из этой новеллы произошло крылатое в итальянской культуре выражение: «Rimasero al cattivo uomo il danno e le beffe» (букв. Плохому человеку достался ущерб и насмешки).

Священной Римской империи Генриха VII Люксембургского, на счёт присутствия которого в «Божественной комедии» Данте расхождений во мнениях, как раз, нет. Арриго из «Рая» (Песнь 30:137) — это Генрих²⁵. Посол императора объявил Ареццо под императорской защитой и приказал осаждающим отступить. Флорентийцы, с тяжёлым сердцем, были вынуждены не только подчиниться, но и принести клятву верности.

С прибытием Генриха на Апеннины, Угуччоне, всегда формально заявлявший о верности императорской короне, направил все свои силы на поддержку своего нового патрона. Генрих отвечал взаимностью. Кондотьер присутствовал на церемонии в Милане, в базилике Сант-Амброджо, где 6 января 1311 года Генрих был коронован королём Италии. К клятве верности Угуччоне добавил щедрый дар — личный отряд в 300 всадников для предстоящей императорской кампании. Этот акт верности и щедрости был принят императором с благодарностью. Уже в феврале Угуччоне был назначен императором своим викарием в Генуе вместо немца Аспромонте. Угуччоне активно включается в генуэзскую политику. Он призывает Генриха VII позволить некоторым членам влиятельной генуэзской семьи Спинола, находящимся в то время в изгнании, вернуться в город, сохранив при этом равенство с семьёй Дория в распределении вотчин, привилегий, прав на пошлину, позиций на суше и на море. Генрих поддержал и это было огромное политическое достижение кондотьера.

В марте 1311 года Генрих VII поручил ему провести расследование действий магистра финансов (*magister monetarum*) города Филиппо ди Негро, а также вернуть то, чего недосчиталась императорской казны из-за управления последнего.

В феврале 1312 года он рядом с императором в Пизе. В сентябре — в лагере Сан-Сальви при осаде Флоренции. Позже, в декабре 1312 года, вместе с Федерико да Монтефельтро и Робертом Фландрским и 700 всадниками он захватывает крепость Казоле-д'Эльса, которую немедленно осаждают флорентийцы и сиенцы. Угуччоне и его соратники сумели прорвать окружение и воссоединиться с императором в его лагере.

В январе 1313 года ему опять не повезло. Во время вылазки против Гуидо Новелло, графа Поппи-Баттифолле из влиятельной семьи тосканских гвельфов Гуиди у башни Кангаретто его застал врасплох отряд флорентийцев. Более 150 людей Угуччоне были убиты или взяты в плен.

Весну-лето 1313 года он проводит в Пизе и её окрестностях в борьбе против гвельфов в коммуне Понтремоли в Тоскане. В это время ему помогает кондотьер Спинетта Маласпина, которого в последующем назовут «Великим» (*il Grande*) и который буквально через год по протекции своего влиятельного тестя Маттео Висконти²⁶ будет назначен подестой Милана.

²⁵ «Арриго, что, Италию спасая, Придёт на помощь в слишком ранний час».

²⁶ Спинетта он женился на его дочери Беатриче.

Смерть императора и новое назначение

Август 1313 года выдался горячим. Вместе с наконец присоединившимся к нему Федерико да Монтефельтро, он приводит императору из Ареццо в МонтAPERти отряд в 200 всадников и 2000 пехотинцев. За это император дарует ему синьорию на Борго Сан-Сеполькро. Тогда же он захватывает у сиенцев добычу стоимостью более 20000 флоринов. Однако на этом события августа не заканчиваются. В конце месяца император умирает в Буонконвенто, а армия гибеллинов, по существу, была распущена. Федерико да Монтефельтро возвращается в Ареццо, а Угуччоне делла Фаджиола отправляется в Пизу. Смерть Генриха VII стала сильным ударом для гибеллинов Италии и поставила под вопрос дальнейшие успехи Угуччоне.

Однако в сентябре 1313 года Угуччоне уже был в Пизе, творя чудеса возрождения дела гибеллинов. Пизанцы, досаждаемые гвельской лигой, в которой первую скрипку играли Флоренция и Лукка, отчаянно пытались, как отмечалось выше, найти опытного военачальника практически за любые деньги. Получив отказы от практически всех заметных военачальников того времени, их выбор пал на уже известного им Угуччоне.

Пизанцы направили к Угуччоне послов с настоятельной просьбой как можно скорее прибыть в их город, который с нетерпением его ожидал. Амбициозный и жадный до ратных подвигов Угуччоне с готовностью согласился. Прибытие его в Пизу относится, по наиболее надёжным документам, к 20 сентября 1313 года. От этой даты в пизанских общественных актах начинается период, который называется *«il Regimen di Ugucione della Faggiuola»*. Его режим разделён на два этапа в соответствии с документами: первый — от прибытия Фаджиолы в Тоскану до захвата Лукки (сентябрь 1313 — 14 июня 1314), второй — от захвата Лукки до изгнания Угуччоне (14 июня 1314 — 11 апреля 1316). Любопытно, что сразу после прибытия Угуччоне в Пизу, граф Фландрии, тот самый, к кому ранее обращались за помощью, узнав о кандидатуре кондотьера, сделал вид, что передумал и предложил себя в качестве командира наёмных отрядов пизанцев, но, по данным источников, получил отказ. Та же участь постигла и Федерико Сицилийского, который, раскаявшись в прежнем отказе, теперь просил у Пизы синьорию над городом.

Ликование пизанцев по поводу прибытия Угуччоне было совершенно естественным. С юности он посвятил себя воинским упражнениям и добился известности на поле боя под гибеллинскими знамёнами. Ходили рассказы о том, как ещё ребёнком он строил в боевые порядки своих сверстников и обучал их сражаться. Постепенно благодаря мужеству и доблести он приобрёл значительный авторитет в своей партии. Теперь, с помощью такой могущественной республики как Пиза, его влияние обещало возрасти многократно. К тому же, пизанцев не мог не вдохновлять невероятная физическая сила и крепость Фаджиолы, качества, которыми он выделялся.

Поставив свою подпись 20 сентября на соглашении с Пизой, Угуччоне был назначен подеста и капитаном народа. Его жалованье составило внушительные 6000 флоринов в год. Под его началом находилась тысяча немецких, брабантских и фламандских наёмников — остатки имперской армии — под командованием капитанов Бальдовино ди Монкорнера и Томмазо да Сетте Фонтане. Они предпочли встать на службу гибеллинской республике и сражаться под её флагом, на котором была изображена голова Конрадина Швабского.

Обнаружив военные силы в хорошем состоянии, он счёл необходимым немедленно приступить к делу. Угуччоне посчитал доблестным и справедливым вернуть Пизе замки, захваченные у неё печально известным графом Доноратико Уголино делла Герардеска, и переданные луккезцам²⁷, или те, что сами луккезцы захватили в ходе войны. Угуччоне видел в этом

²⁷ По примеру граждан Монако, которых называют монегасками, я буду использовать это итальянизированное название

удобный случай развязать войну с Луккой, считая, что ослабление или захват такого близкого и мощного гвельфского города облегчит для Пизы будущую конфронтацию с Флоренцией.

Пизанские кампании 1313—1314 годов

Тоскана под пятой Угуччоне

Итак, Угуччоне, не теряя времени, через несколько дней после своего прибытия потребовал у Лукки вернуть замки, отнятые у пизанцев. Кроме того, он продемонстрировал луккезцам своё горячее желание допустить изгнанных гибеллинов в Лукку. По решению обеих сторон эти вопросы предстояло обсудить на совете в Куоца, замке в долине Серкио, ныне разрушенном, который состоялся до конца сентября. С пизанской стороны присутствовали Бандуччо Буонконтти, представитель одного из влиятельнейших родов Пизы, имевшей склады по всей акватории Тирренского моря, включая Тунис и Сирию, Геррардо Фаджоли и Якопо Фаулья. Со стороны Лукки среди прочих был Бонтуро Дати, один из старейшин, личность, известная даже Данте Алигьери, который в первой части «Божественной комедии» — «Ад» в Песне XXI: Круг восьмой отправил Бонтуро как *бараттьера*, то есть коррупционера, получающего незаконную прибыль от государственной должности, в пятый ров для мздоимцев, а саму Лукку заклеил как рассадник торгашей общественным положением.

В ходе переговоров в Куоца пизанцы поставили во главу угла мирных условий требование о возврате замков Бути, Ашано и Аване, которые луккезцы ранее отняли у их республики. Первоначально послы Лукки выразили готовность выполнить это условие, но, когда дело дошло до ратификации соглашения, Бонтуро Дати категорически отказался вернуть замок Ашано пизанцам. Этот человек пользовался огромным влиянием в Лукке и, по мнению современников и позднейших историков, не брезговал использовать его для личной выгоды. Причиной его отказа было следующее: луккезцы владели Ашано уже около 25 лет, захватив его с целью публичного унижения пизанцев. Они даже установили большие зеркала на башнях замка, чтобы, когда светит солнце, пизанцы видели в них отражение своего позора и превосходство Лукки над ними. Обращаясь к этому факту, Бонтуро Дати на переговорах надменно заявил, что не отдаст замок Ашано ни за что на свете, потому что Лукка держит его, чтобы пизанские женщины могли в нём смотреться. На эту дерзость, по свидетельствам хроник, самый старший и опытный из пизанских послов, человек весьма уважаемый за мудрость и знание государственных дел, Бандуччо Буонконтти, ответил с сарказмом и неприкрытой угрозой. Он заявил, что если Лукка не желает мира, то пизанцы готовы к войне, и что на восьмой день после завершения совета, Лукка должна известить сенат и народ о своей позиции. В противном случае, пизанцы выступят в поход с армией и под стенами Лукки дадут понять, в какие именно «зеркала» будут смотреться их женщины.

После провала переговоров в Куоца, Бандуччо Буонконтти вернулся в Пизу с остальными послами и на совете сообщил о случившемся старейшинам и Угуччоне. Крайне возмущённые, пизанцы вновь созвали большой совет и объявили войну Лукке. С этой целью они поручили Угуччоне привести в готовность пизанскую милицию и наёмные отряды и издать распоряжение, чтобы те как можно скорее²⁸ собрались за пределами города у ворот Парласкио, ведущих в Лукку. Однако для начала военных действий не хватало средств.

Именно тогда Бандуччо Буонконтти, подражая благородному примеру фра Салимбене Пармского (также Салимбене де Адам или Адамо), который в 1260 году, когда Сиена была в опасности от гвельфов из Флоренции и нуждалась в средствах, пожертвовал городу значительную часть своего состояния, предложил коммуне Пизы тысячу золотых флоринов. Этот достойный пример вдохновил и других знатных и богатых горожан поступить так же. Собрав необходимые средства, Угуччоне делла Фаджиола выступил из Пизы, и его первым воинским

²⁸ Как гласят «Хроники Пизы»: За короткое время, необходимое для того, чтобы догореть свече (Nel breve tempo che impiega una candela a consumarsi).

предприятием стал штурм Ашано — замка, послужившего яблоком раздора на недавних переговорах. Гибеллины быстро овладели им, взяв множество пленников.

Дальнейшие действия Угуччоне развивались стремительно. Уже 29 сентября он, согласно ряду хроник, захватил в контадо вокруг города и замок Санта-Марию-дель-Джудиче. Луккезцы, крайне напуганные смелостью Фаджиолы, собрали максимальное количество войск для отпора гибеллинам, которые с каждым успехом становились всё смелее, огнём и мечом опустошая округу и угрожая подступам к самой Лукке. Лукка получила подкрепления: 40 всадников из Флоренции, 200 из Сиены. Также подошли силы, приведённые генуэзцем Карло Фьеско, влиятельным сторонником гвельфов, и отряды маркизов Маласпина: Марчелло, Франческино и Коррадино, один из которых привёл 120 пехотинцев, вооружённых пиками, а двое других, согласно флорентийскому хронисту того времени Альбертино Муссато — 70. К этим силам присоединились 250 наёмников, нанятых городом, 60 пизанских изгнанников и 500 граждан города и контадо. В целом, численность гвельфской армии была не меньше той, которой командовал Угуччоне.

Тем не менее, гвельфские союзники, выйдя в поле, ретировались и к прямому столкновению вовсе не стремились. Пизанские отряды, развернувшись 2 октября, сожгли Масса Пизана и опустошили её округу. В том же октябре Угуччоне совершил набег на Бути, захватив там два замка из трех. В ходе рейда было убито не меньше 60 защитников и всех, кто попытался оказать сопротивление. В аббатстве Синтория кондотьеры не пощадили даже монахов. Через десять дней Угуччоне делла Фаджиола возвращается в Пизу и предлагает объявить войну Лукке, что было принято единогласно.

Угуччоне отдыхал чуть более дня. Вскоре, вновь приступив к активным действиям с ещё большей энергией. О характере Угуччоне прекрасно говорит одна интересная деталь. Чтобы пизанцы могли профинансировать, как показало дальнейшее развитие событий, новую удачную вылазку, Угуччоне ссудил пизанцам, не способным содержать на собственные средства войска немецких наёмников, 1000 флоринов — флорины, которые, стоит напомнить, ранее использовались для обеспечения его собственного найма. Впрочем, сюда можно добавить ещё одну, менее благостную, деталь. Для поддержания строгой дисциплины Угуччоне приказал отрубить ноги двенадцати всадникам, которые вырвались из боевых порядков ради того, чтобы первыми захватить наиболее лакомую наживу или богатых пленников.

5 ноября он вышел из Пизы с немецким наёмным отрядом и гибеллинским войском и, спустя два дня, 7 ноября, учинил страшные опустошения на территории Сан-Миньято, демонстрируя удивительную стремительность, так как Пиза и Сан-Миньято разделяло значительное расстояние. Фаджиола вернулся во владения Лукки. Он опустошил долину Компито сжёг восемьдесят мельниц в окрестностях Ворно, а затем и само Ворно и Масса-Мачинайя. Серьёзно досталось небольшому замку Гуамо, а также поджёг маленький замок Гуамо, откуда пизанцы вывезли и доставили в Дуомо Пизы алтарный образ с изображением святого Михаила, который символизировал победу над еретическими силами, олицетворяемыми луккезцами.

В Понтемаджоре, который находится всего в 6 километрах от Лукки, Угуччоне встретил сопротивление со стороны ополчения под руководством Пагано деи Куартиджани. Этот представитель древней луккезской семьи нобилей вошёл в историю благодаря тому, что... был убит в бою с Угуччоне. Вместе с ним сложили голову ещё 200 человек. Перейдя со своей армией через гору Сан Джулиано, Угуччоне сравнял с землёй Гаттайолу. Был сожжён и разрушен каждый дом в городе, каждая лачуга. Кондотьеры пощадили лишь древнюю церковь Св. Андрея. Казалось бы, неудержимая ярость Угуччоне сеяла ужас по всей округе. Казалось бы, неудержимая ярость Угуччоне сеяла ужас по всей округе.

Этого кондотьер и добивался...

Тосканские гвельфы, ошеломлённые этой кровавой сарабандой²⁹, надеясь защитить Лукку, собрали все силы гвельфской лиги, чтобы двинуться к Понтететто с намерением дать сражение врагу, который уже двенадцать дней стоял лагерем неподалёку и готовился двигаться дальше. Луккезские войска получили значительное подкрепление из Прато и Пистойи — 500 всадников и две тысячи пехотинцев. Луккезцы задумали использовать военную хитрость: они приказали своей коннице притвориться отступающей при виде гибеллинской армии, чтобы увлечь её в преследование. Идея состояла в том, чтобы в определённом месте, соединившись с основными силами, они развернулись и ударили по врагу. Однако эта стратегия не удалась и силам города не оставалось ничего как охранять мост через реку Оцари недалеко от места расположения лагеря Угуччоне. Пизанцы не побоялись переправиться через реку, несмотря на мощное сопротивление защитников.

Угуччоне напомнил своим воинам, что настал момент отомстить за унижение, пережитое ими на совете в Куоца. Вдохновлённые этим, войска гибеллинов получили сигнал к атаке. Часть армии Угуччоне переправилась через Оцари вброд выше моста, другую — ниже. 18 ноября, в день Святого Фреддиано³⁰, гибеллинская армия, разделившись на две части, по 500 всадников и 2000 пехотинцев, ударив луккезцам в тыл, атаковала неприятеля, который не смог устоять и обратился в стремительное бегство. Всё обернулось ужасной резнёй. Среди павших капитанов луккезских войск упоминаются Гуидо Кристофани, Гуидо Боккансоки, Ванни Бургундьо, Дино Альбицци и Чечо Ганго. Всего пало 300 защитников Лукки, из которых 200, попавших в плен к пизанцам, были перед смертью ослеплены.

В ходе атаки пизанцы и немцы достигли самых ворот Сан-Пьеро-Маджоре в Лукке и в знак победы тыкали наконечниками копий в городские ворота. Спасшиеся гвельфы тем временем собрались на городских стенах и начали обстрел преследователей из арбалетов. Пизанцы, решив, что достаточно унизили врага, после разорения и поджога предместье Сан-Пьеро-а-Градо отошли. Но, чтобы нанести луккезцам ещё большее оскорбление, перед уходом они установили на двух длинных древках большие зеркала размером с бочонок, а под ними, прикреплённые смолой, таблички с виршей: «Теперь посмотришь, Бонтуро Дати / что жителям Лукки ты насоветовал / в день Святого Фреддиано / у ворот Лукки был пизанец»³¹. Современники событий добавляют, что гибеллины у антипорта Лукки писали кровью убитых защитников города: «*Ciò fu fatto per li pisani*» — Это сделано ради пизанцев.

У луккезцев этот военный позор вызвал сильное возмущение, направленное против Бонтуро Дати, которого считали виновником постигших их бед. Народ в гнев двинулся к его дому с намерением убить, но друзья укрыли его в церкви Сан-Романо, ожидая, пока гнев граждан утихнет. Видя свою беспомощность в одиночку сопротивляться врагу, ослабленные поражением и напуганные ростом влияния Угуччоне, жители Луки, решив, следуя примеру своей союзницы Флоренции, отдаться под покровительство короля Роберта Анжуйского. Они надеялись, что он с большим усердием и оперативностью окажет помощь в их крайне опасном положении. С этой целью они торжественно попросили необходимой помощи и направили к Роберту посольство с богатыми дарами, соответствующими статусу его королевского статуса. Король Неаполя благосклонно принял от Лукки предложение подданства и, взяв его под свою защиту, направил в город своего викария Джелардо ди Сан-Лупидио. Тот, после того как ула-

²⁹ Справедливости ради, надо отметить, что на тот момент этот танец в Европе был не известен. Он будет завезён испанцами из Центральной Америки только в XVI веке, впрочем, быстро получит популярность, включая и в Италии. Так или иначе, эта метафора прекрасно отражает непредсказуемую динамику и характер действий Угуччоне в регионе.

³⁰ Католическая церковь поминает Св. Фреддиано 18 марта. Как сообщается в Римском мартирологе (*Martirologio Romano*), изданным папой Григорием XIII в 1583 году: «18 марта — в Лукке святой Фреддиано, епископ, который, родом из Ирландии, собрал священнослужителей в монастыре, ради блага народа изменил течение реки Серкьо, сделав территорию плодородной, и обратил вторгшихся лангобардов в католическую веру». В Лукке же его поминают также и 18 ноября — в годовщину обретения его мощей.

³¹ Итал. «*Hor ti specchio Bontur Dati / ch'è lucchesi hai consigliati / lo die di S. Fridiano / alle porte di Lucca fu il pisano*».

дил дела во Флоренции и Пистойе, отправился в Лукку, установив над ней власть от имени короля Роберта.

Вернувшись в Пизу, Угуччоне не стал сильно задерживаться в городе. Успех первого натиска, уже принёсшего плоды в виде унижения и территориальных потерь гвельфов, разжёл его ненасытное честолюбие. Он стремился не просто удерживать, но расширять владения города, который фактически оказался под его единоличной властью. К тому же, ослабление гвельфской фракции в Тоскане после его недавних кампаний внушало надежду на дальнейшие завоевания. Угуччоне понимал: достигнутые успехи требовали немедленного продолжения наступления. Не теряя ни дня, он вновь повёл армию за стены Пизы. Уже 30 ноября он выступил в поход и взял укреплённый пункт Буоса, который, будучи собственностью пизанцев, на тот момент удерживался гвельфами Лукки.

В следующем месяце, пока гибеллинские отряды продолжали свою агрессию на территории, произошёл инцидент, едва не повлёкший за собой более масштабное кровопролитие. Жители долины Серкио, вероятно, приверженцы гвельфской фракции или сочувствующие ей, вступили в столкновение с гарнизоном, охранявшими замок Аване, всё ещё находившийся под контролем Лукки. В стычке луккезцы были разбиты, и двенадцать человек попали в плен. Пленники сообщили, что гарнизону Аване хватит припасов едва на два месяца. Получив эти сведения, Угуччоне решил воспользоваться ситуацией и осадить замок, чтобы окончательно подчинить его Пизе. 6 января 1314 года он подвёл войска и окружил Аване с трёх сторон. Осада длилась тридцать четыре дня. Гарнизон, не видя подкрепления из своего города, который, по видимому, не сумел организовать действенной помощи, 10 февраля сдали замок гибеллинам. По другой версии, это было сделано с помощью хитрости. Переодев немецких наёмников в сюрко с цветами и гербом Лукки, Угуччоне заставил гарнизон крепости, во главе с самим Джеллардо ди Сан-Лупидио открыть ворота и поехать им на встречу. Овладев Аване, Угуччоне, несмотря на разгар зимы, не прекратил своего натиска, хотя и вернулся ненадолго в Пизу, оставив в замке свой гарнизон. Таким образом, за период примерно в пять месяцев, от своего прибытия и до захвата Аване, Фаджиола сосредоточил свою активность исключительно на нападениях на территорию Лукки, захватив ряд замков и земель. Однако, умерив гордыню этого гвельфского города, Угуччоне делла Фаджиола не успокоился и направил свою агрессию дальше, нанося урон и создавая угрозу владениям других областей, склонявшихся к враждебной партии. Особенно дерзким его шагом было нападение на интересы могущественной Флоренции.

К тому времени Флоренция заняла или поддерживала контроль над несколькими замками на территории, исторически связанной с Пизой. Эти форпосты имели важное стратегическое значение, и Угуччоне, ободрённый успехами, двинулся с войском, усиленным гибеллинами, изгнанными из Сан-Миниато, чтобы атаковать один из таких замков — Суббио, и 16 февраля взял его. Вступив туда, солдаты Угуччоне разграбили город, а дома, по свидетельствам, были сожжены практически дотла. Вернувшись в Пизу победителем, Фаджиола вскоре повёл гибеллинскую армию на город Сиену. Этот шаг был предпринят из-за того, что Сиена оказывала поддержку Лукке в то время, когда та находилась в опасности из-за действий пизанцев. Побуждением к этому стало также подстрекательство местных гибеллинских синьоров Сассофорте и сыновей Руффреды Инконтри, которые всячески содействовали Угуччоне. Фактически, чтобы отвлечь внимание сиенцев, готовившихся помочь перепуганной Лукке, они двинулись и стали сжигать и опустошать территорию Сиены вплоть до Роккетте, а также сожгли виллу Варана. Ободрённый такой поддержкой, Угуччоне, возглавляя отряд наёмников и пизанцев, стремительно двинулся к стенам Массы-Мариттимы в провинции Гроссето, подчинив её и нанеся значительный урон окружающей территории, прежде чем 22 февраля захватить замок Кампо Петрозо, который перешёл под власть гибеллинов.

Странный мир

Дерзкие и успешные действия Угуччоне, направленные на то, чтобы нанести урон не только луккезцам, но и всем прочим тосканским гвельфам, не могли не вызвать серьёзную обеспокоенность. В первую очередь, это привело к тому, что король Роберт попытался найти способ устранить причины войны в Тоскане. Согласно хроникам того времени, подробности этих попыток мирного урегулирования не совсем ясны, да и более поздним источникам не дают более ясного ответа. Тем не менее, существование таких мирных инициатив в тот период и, в частности, датированных 27 февраля, подтверждается документами, но прослеживается некоторая неопределённость, связанная с непосредственными событиями, последовавшими за этим соглашением.

Согласно документам, мирный договор был подписан 27 февраля 1314 года (что по пизанскому календарю соответствовало 1313 году, так как года в Пизе начинался в марте) между королём Робертом Анжуйским Сицилийским и Иерусалимским с одной стороны, и Джерардо Фаджиоли, судебным консультантом, и Якопо Фаулья, гражданами Пизы, выступавшими в качестве синдигов коммуны, с другой стороны. Любопытно, что документ, находящийся в архивах города Пизы и который содержит эту информацию в виде акта возобновления соглашения между пизанцами и королём Робертом, составлен в 1317 году, то есть уже после изгнания Угуччоне. В этом документе под номером 29 и есть отсылка на предшествующие переговоры, и именно на те, которые имеют отношение к нашей истории в этот период.

В документе говорится о полном восстановлении условий союза между пизанцами и королём Робертом, многократно нарушенных ранее, и о намерении Пизы вернуться к дружественным отношениям с анжуйским домом, которые особенно укрепились во времена короля Карла I, деда короля Роберта. Вот основные условия мирного соглашения, следующие из этого документа: обеим сторонам гарантируется свобода передвижения и торговли; подданные короля Роберта должны пользоваться дружественным отношением в Пизе и её контадо, и иметь возможность получать там привилегии и должности; в свою очередь, пизанцы получают такое же обращение на территориях, подвластных анжуйцам. Пизанцы не будут обложены чрезвычайными пошлинами и налогами со стороны подданных короля Неаполя, а он, со своей стороны, не будет обременять пизанцев чрезмерными налогами. Ни один пизанец в городе или в контадо не должен укрывать врагов короля Роберта и оказывать им помощь ни явно, ни тайно. Король Роберт обязался соблюдать то же самое. Более того, король требовал, чтобы пизанские граждане и жители контадо не вывозили пшеницу и ячмень с острова Сицилия без его разрешения в течение по меньшей мере двух лет с даты ратификации мира и если пизанцы нарушат этот пункт, королю разрешалось наказывать их так, как он сочтёт нужным, и обязать возместить половину стоимости вывезенного зерна. Поскольку Роберт долгое время находился в состоянии войны с арагонцами за этот остров, он не упустил возможности включить в условия договора пункт о том, что коммуна Пизы никоим образом не будет транспортировать или способствовать транспортировке на Сицилию железных изделий, доспехов, шлемов, копий и всякого другого оружия и снаряжения; равно как и парусов, канатов и рангоутов, определив за нарушение этих пунктов различные виды наказаний.

Республика Пизы ранее заключила соглашение с Карлом I Анжуйским, по которому она обязывалась предоставлять пять галер с экипажами по требованию Карла или его наследников. В условиях, в которых находился король Неаполя, подтверждение этого обязательства было крайне выгодно. Именно поэтому он попросил пизанцев о помощи в предоставлении этих пяти галер на два месяца и, сверх того, запросил четыре тысячи золотых флоринов. Более того, по настоянию обеих сторон было достигнуто соглашение о приостановке репрессий (*rappresaglie*) и об освобождении содержавшихся в плену заключённых. Король Роберт также добавил, что

пизанцы должны как можно скорее заключить мир со своими гвельфскими тосканскими друзьями; а в течение четырёх месяцев — и с гвельфами Ломбардии, под угрозой уплаты десяти тысяч серебряных марок стороне, нарушившей договор.

Эти переговоры, как свидетельствует упомянутый, напомним, более поздний документ, проходили, в первую очередь, между Угуччоне делла Фаджиола, подестой, капитаном народа и командующим армией Пизанской коммуны, и он, от имени города подтверждал, ратифицировал и подписывал мирный договор.

Летописцы того времени, равно как и более поздние историки, единодушны в утверждении, что эти договорённости были заключены без ведома Фаджиолы. Однако в дипломатическом акте мир заключён от его имени. Как же так произошло? Вероятно, что пизанцы, переживавшие на тот момент сложный период, возможно, ещё до призвания Угуччоне на службу города и до его военных успехов в регионе, и инициировавшие эти переговоры с Робертом, поменяли позицию, а Роберт, избегавший лишних расходов на войну, с энтузиазмом подхватил инициативу и на протяжении всего времени не выходил из переговоров. Но едва ли мир был тайным. На наш взгляд, вполне вероятно, что Угуччоне позволял пизанцам продолжать переговоры с королём Неаполя от своего имени, так как он был первым должностным лицом республики. Но поскольку дела шли для него слишком хорошо, он не позаботился о ратификации соглашения или о её надлежащем исполнении. К этому времени Фаджиола захватил несколько замков на территории Флоренции и других гвельфских городов. Гибеллины со всех Апеннин обращались к нему за поддержкой и уже видели в нём одного из лидеров возрождающейся имперской фракции в Тоскане. Со временем, Угуччоне осознал, что Роберт заинтересован в мире больше, так как тот сулил выгоду для той стороны, чьим защитником был сам король. Таким образом, весьма вероятно, что Фаджиола стал сожалеть о присоединении к этим договорённостям, так как его, как бы мы сказали сейчас, повестка расходилась с торговыми интересами пизанской верхушки и, ещё более безусловно, интересами короля Роберта и папской партии, которая незримо стояла за всем этим процессом.

Подобная версия событий представляется более убедительной, чем любая другая, учитывая содержание упомянутого документа. В 1317 году, при возобновлении мира между пизанцами и королём Робертом, в тексте прямо говорится о нарушении прежних условий. Отрывок, написанный на варварской латыни, стоит привести дословно, так как он прекрасно передаёт содержание и хитросплетение отношений не столько Пизы с неаполитанским королём, сколько Пизы с её подестой и капитаном народа: «И старающийся затем [т.е. после переговоров], враг рода человеческого, сеющий неустанно плевелы [раздора], соглашения сами по себе были нарушены со стороны названного сообщества [Пизы], тяжкими разногласиями с той и другой стороны, запутанными распрями и последовавшими спорами, от чего названный мир был нарушен, спокойствие смутилось, и благоволение обратилось во вражду. Причиной же и поводом столь многих разногласий и смут является, по множеству причин, Хугуччио де Фасола [Huguiccio De Fasola], давний враг Святой Матери Церкви и ревнитель истины, управляющий и правитель названного города [Пизы], который разорял эту землю острым коварством и тираническое высокомерность, уводя [её] в заблуждение и отклоняя от пути по своему желанию»³².

³² R. Archivio di Stato in Pisa, Arch. del Comune. Protocollo dei Capitoli cit. c. 4. t.

Неспокойный мир и гибеллинский гнев

Однако долго затишье после неаполитанского соглашения не продлилось. В Пизе, городе с горячим темпераментом и глубокой приверженностью фракционным идеалам, мирный договор с королём Робертом вызвал настоящую бурю. Особенно яркими противниками стали сторонники Угуччоне. Их пыл объяснялся просто: они жили надеждой вернуть утраченные владения, прежде всего замки и территории, отторгнутые у Пизы со времён несчастного правления графа Уголино. Заключение же мира делало эту заветную цель практически недостижимой.

Сам Фаджиола, безусловно, выразил крайнее неудовольствие договором, заключённым от его имени, но без его прямого участия и, главное, вопреки его воинственным амбициям и успешным кампаниям. Хроники передают, что он заявлял, будто пизанцы, согласившись на этот мир, превратились в рабов анжуйца. Они лишились возможности принимать у себя сторонников империи, которые им симпатизировали, и были вынуждены вернуть захваченное, не получив взамен ничего равноценного. Угуччоне, видимо, полагал, что такой мир ставит Пизу под контроль короля Роберта. Именно эта угроза независимости и подлила масла в огонь его недовольства и стремления вообще расторгнуть заключённые соглашения. Более того, предполагается, что Угуччоне лично спровоцировал народные волнения, и распорядился, чтоб его немецкие наёмники с имперским орлом на знамёнах проехали по улицам Пизы с криками «Смерть гвельфам-предателям!».

Рассказывают, что Бандуччо Буонконтти, бывший одним из переговорщиков в Куоца, выступил против взбешённой толпы наёмников. Ему приписывают даже попытку утихомирить их гнев, поклявшись на площади Санта Кристина, что его сын, Пьеро призовет наёмников к ответу. Угуччоне же воспринял это как вызов и помеху своим планам. Этот инцидент, вкупе с неприятием мира, к заключению которого приложил руку Бандуччо, привёл к трагической развязке.

Фаджиола инициировал судебный процесс против Бандуччо и его сына, обвинив их в измене. Основным доказательством обвинения стало письмо, направленное послами королю Роберту, где они выражали готовность заключить мир на любых условиях. Угуччоне либо поверил, либо сделал вид, что поверил, будто Бандуччо и Пьеро получили за это от гвельфов деньги, и под пытками добился у них признания, что они вступили в переговоры с гвельфами с намерением нанести ущерб и опозорить коммуну Пизы. 24 марта 1314 года (хотя другие источники, следуя Виллани, датируют это событие 1316 годом, что, как мы увидим далее, менее вероятно в свете хронологии событий), по приказу Угуччоне Бандуччо и Пьеро Буонконтти были обезглавлены за стенами города, возле ворот Пиадже.

Эта жестокая казнь вызвала сильное негодование среди пизанцев, и не без оснований, так как в глазах горожан Бандуччо Буонконтти представлял образец благородства, смелости и самоотверженности.

Сразу после убийства Буонконтти, Угуччоне предпринял шаги по устранению тех, кого он считал своими противниками или потенциальными заговорщиками. Под предлогом соучастия в заговоре Буонконтти был казнён Ванни деи Верди, камерленго коммуны, управлявший её финансами и имуществом. Возможно, Фаджиола почувствовал неладное из-за недовольства, вызванного смертью Буонконтти, и попытался быстро нейтрализовать любое сопротивление. Как было заведено, 26 марта 1314 года он созвал великий совет в Дуомо, где перед собранием он произнёс речь, резко осудившую убитых. Он заявил, что казнил их, чтобы спасти Пизу от великих разрушений, грозивших им. По его словам, из писем самих Буонконтти и других пизанских нобилей стало известно, что они сговорились с королём Робертом и собирались сдать ему Пизу, которой тот давно домогался, на крайне невыгодных для республики условиях. Только смерть этих преступников, по его мнению, была достаточным наказанием за столь серьёзное

преступление против родины. При этом он особо подчеркнул, что никогда не имел намерений отнять свободу у Пизанской республики, а напротив, стремился укрепить и приумножить её. Впрочем, в тот же день, не теряя ни минуты, Угуччоне перекроил состав Совета старейшин, оставив в нём лишь тех гибеллинов, кого он счёл достойными своего особого доверия.

Граждане Пизы, жаждавшие обрести доблестного воина для возрождения для города военной славы и восстановления мира, с горечью осознал, что вместо этого получили тирана, одержимого захватом чужих богатств, земель и безудержным попранием их свободы и жизни. Был ли это изначальный план Угуччоне — неизвестно, но поставив пизанцев на колени и напомнив им об их положении бесправных подданных, он, не мешкая, обратил свой взор на Лукку.

Крах перемирия и захват Лукки

Однако, как мы можем предположить, мотивы Угуччоне делла Фаджиола вряд ли исчерпывались лишь одними аргументами, озвученными на совете. Его неодобрение мира с королём Робертом проистекало из достаточно ясного понимания того, что подобный мир, мир на условиях неаполитанского короля, ставит крест на его личных, крайне амбициозных планах расширения гибеллинского влияния. Уверенное положение императорской партии в регионе под его руководством казалось превосходным моментом для новых завоеваний, а договор с могущественным гвельфским королём мешал этому более всего. Впрочем, Фаджиола не был полностью против перемирия, особенно если оно могло принести выгоду гибеллинам, укрепить их позиции или открыть пути для будущих побед. Именно с этим, на мой взгляд, следует связывать его следующий дипломатический манёвр.

Угуччоне сам предложил луккезцам провести переговоры — конгресс — в Рипафратте, деревушке на полпути между этим Луккой и Пизой в той самой местности, где зародились противоречия из-за замка Ашано. Это предложение последовало вскоре после казни Буонконтти и некоторого затишья в Пизе. Возможно, Угуччоне стремился показать пизанцам, что расправа над Буонконтти была не прихотью или следствием обиды, а, напротив, необходимым шагом для устранения препятствий на пути к настоящему, выгодному гибеллинам, миру или, скорее, к реализации своих далеко идущих планов под личиной мира. На переговорах в Рипафратте он представил луккезцам условия, которые, по его словам, могли привести к соглашению. Эти условия были далеко не формальными. Они включали пункты о заключении браков между пизанцами и луккезцами — явный сигнал к полному примирению и смешению фракций. Ключевым требованием Угуччоне, вновь демонстрирующим его настоящие намерения, было возвращение изгнанников: полное и безоговорочное разрешение гибеллинам и другим противникам гвельфской Лукки вернуться в свой город. В свою очередь, коммуна Пизы брала на себя обязательство так же относиться к гвельфским изгнанникам из своих владений. Угуччоне также предлагал вернуть обоим сторонам вернуть изгнанникам конфискованное имущество. Кроме того, пизанцы требовали немедленного возврата замков Ашано и Виареджио под Луккой; замки Бути и Бьентина должны были быть возвращены позднее, после заключения браков между жителями Пизы и Лукки.

Лукка запросила время на обдумывание. Однако, для неё камнем преткновения стали вовсе не территориальные аппетиты кондотьера, а вопрос о возвращении в Лукку изгнанников и перебежчиков. Жители Лукки завилы, что не желают снова делить город с теми, кого считали предателями родины. Увы, именно этот пункт был для Угуччоне наиболее важным, так как был связан с предварительными договорённостями с семьёй Антельминелли — одной из самых влиятельных среди изгнанников и, по замыслу кондотьера, первой в очереди на возвращение в город.

Тем не менее, 25 апреля 1314 года, последовало подписание договора в Сан-Марко. Согласно этому соглашению, стороны обменялись пленниками и обязались обеспечить условия для возвращения изгнанников. Как пишет историк-хронист XIV века из Виченцы Феррето де» Феррети, современник этих событий, после ратификации мира из числа изгнанных гибеллинов в Лукку вернулось около двухсот человек. Однако, как это часто бывало в Средневековой Италии, договор не привёл к истинному примирению, а скорее к новой конфронтации, спровоцированной, по всей видимости, тонкой интригой.

Пока в Пизе гвельфов принимали благосклонно и даже допустили к городским должностям, в Лукке возврат изгнанных гибеллинов вызвал серьёзные споры и разногласия с ведущими гвельфскими семьями. Ситуация в Лукке, и без того напряжённая из-за давнего соперничества между знатными семьями, взорвалась с новой силой. Долгое время город раздирали

конфликт между родом Обицци, главой которого был Лучио дельи Обицци, и семьёй Берардуччи, которых тогда возглавлял Арриго. Арриго Берардуччи, сам гибеллин по убеждениям, чтобы ослабить позиции враждебных гвельфов Обицци и подготовить почву для будущих событий, выступил за безоговорочное принятие всех гибеллинских изгнанников в Лукку.

С момента своего назначения подеста и капитаном народа Пизы, Угуччоне, несомненно, вынашивал план подчинить себе важный гвельфский город Лукку. И ему было ясно, что присутствие вернувшихся в город влиятельных луккезских гибеллинов значительно облегчит достижение этой цели. Среди изгнанников находились люди могущественные и знатные, тесно связанные с Угуччоне крепкими узами дружбы и преданности, видящие в нём возможность осуществить свои собственные амбиции и отомстить противникам. И, кажется вполне обоснованным предположение, что Фаджиола, стремясь воспользоваться их влиянием для облегчения захвата Лукки, сознательно пошёл на перемирие Сан-Марко. Его нежелание уступить усилиям пизанцев, добивавшихся мира с королём Робертом, косвенно подтверждает это. Ведь если бы он искренне стремился к мирному урегулированию, зачем было сопротивляться переговорам с королём Робертом?

Пизанцы тем временем, зная о намерении Угуччоне выступить против Лукки и понимая, что успешный захват этого города будет иметь огромное значение для их растущего влияния и престижа в Тоскане, активно готовились к войне. 10 июня 1314 года коммуна Пизы постановила выплачивать Угуччоне, помимо обычного жалования подесты и капитана народа, ещё тринадцать золотых флоринов в день с освобождением от налогов, пока он будет находиться в походе за пределами Пизы в рамках войны с Луккой, и на всё время, когда он будет военачальником пизанской армии. Это увеличение его жалования наглядно свидетельствует о том, насколько важна была для пизанцев эта кампания и как сильно они желали, чтобы Лукка оказалась под властью Угуччоне. Вероятно, с этим военным предприятием связаны три займа, о которых упоминается в одном из документов: первый — на сумму в 10000 золотых флоринов, два других — по 25000. Пизанская республика понимала, что даже в случае успешных действий против близкого гвельфского города, им потребуется значительно больше средств, чтобы более решительно и с большей уверенностью противостоять Флоренции, которая, несомненно, восприняла бы захват Лукки как прямую угрозу своим владениям. Поэтому стремление к сбору денег было совершенно логичным шагом.

И действительно, войску гибеллинов удалось взять Лукку с меньшими трудностями, чем они ожидали. Город уже был ослаблен внутренними распрями между Обицци и Берардуччи. В тот самый момент, когда Лукке угрожали извне, в городе вспыхнули новые ожесточённые столкновения между фракциями. Лучио, услышав о приближении Угуччоне, направил отряды своих людей к домам родов Онести и Фатинелли, также принадлежавших к гибеллинской фракции, и к церкви Сан-Фреддиано, которая незадолго до того была включена в пределы городских укреплений. Эти места были укреплены сторонниками Каструччо Кастракани дельи Антельминелли — одной из ключевых фигур, способствовавших приходу гибеллинов в город. Многие башни на стенах Лукки от ворот Сан-Пьетро до ворот Сан-Фреддиано также находились в руках гибеллинов. Первыми атаке Лучио дельи Обицци и его людей подверглись дома рода Онести, но безрезультатно. Столкновение, переросшее в кровавую схватку, развернулось на подступах к Сан-Фреддиано и в районе одноимённой церкви и её колокольни, которую просто подожгли, что привело к гибели многих защитников. Воодушевлённые этим успехом, Обицци двинулись к другой церкви, где укрылись многие гибеллины. Каструччо Кастракани спрятался со своими людьми в башне *Тре Канелли* и живым сдаваться не намеревался. Завязалась жестокая схватка, в которой пали многие гибеллины, включая некоего Нантуччо ди Орландо.

Пока Лукка сотрясалась от междоусобицы, Угуччоне делла Фаджиола двинулся из Пизы с войском, насчитывавшим, по одним данным, более 11000 человек, включая немецких наёмников, пизанцев и изгнанных гибеллинов. 14 июня, в пятницу, он подвёл армию к стенам

города, разделив её на три части. Один отряд был направлен к воротам Сан-Пьетро, другой — к воротам Сан-Джорджо. Оба отряда с необычайной лёгкостью вошли в Лукку, так как занятые уличными боями гвельфы совершенно забыли об обороне городских стен, и, сопротивления захватчикам оказано не было. 14 июня вскоре после полуночи, Угуччоне, вместе с представителем древней лангобардской семьи пизанских нобилей Маттео делла Герардеска и с третьей частью армии подошёл к воротам Сан-Фреддиано, и после сигнала от Каструччо (по одной версии это был сигнал фонарём, по другой — белая простыня на вершине ныне разрушенной башни Вельи на площади Сан-Сальваторе) и вошёл в город, также не встретив никакого сопротивления. Таким образом, кондотьер смог провести в город свою армию и лично вступить на городскую площадь.

Вторжение обернулось резнёй. Гарнизон, который должен был защищать стены и город был отдан на милость победителя, который, конечно, никакого милосердия не проявил. Три дня солдаты Угуччоне грабили, жгли, убивали, вешали и насиловали. Особо «отличились» немецкие наёмники — одна из жертв, жертва массового насилия, знатная дама по имени Петронелла вошла в историю этого кровавого завоевания. Униженная позором, она отказалась от пищи и воды, и умерла от горя и голода. Грабёж и насилие были не только актом мести, но и способом содержания армии.

1400 домов в районах Обицци, Кьявари, Раффанелли, Поркарези были разрушены до основания, в основном благодаря усердию пистойских гибеллинов, присоединившихся к предприятию пизанцев, чтобы отомстить за разграбление своего города в 1306 году луккезскими гвельфами. Город и его окрестности были превращены в руины. Флорентийский хронист конца XIII — середины XIV вв. Джованни Виллани отмечает, что он не припоминает, чтобы какой-либо город постигла столь ужасная участь и такие потери в имуществе и людях, какие выпали на долю Лукки.

Добыча, собранная пизанцами, была поистине королевской. Можно представить ликование людей Угуччоне, когда они обнаружили в ризнице церкви Сан-Фреддиано папские сокровища. На тот момент уже покойный кардинал Джентиле да Монтефьоре по поручению папы Климента V оставил её в Сан-Фреддиано с намерением перевезти в Авиньон. К ним добавились неисчислимое количество драгоценностей, среди которых выделялись остатки предполагаемого серебряного трона императора Константина. Вскоре через несколько дней сын кондотьера Франческо делла Фаджиолы затребует у монахов монастыря Сан-Романо драгоценности и реликвии, оставленные там кардиналом да Монтефьоре. Протесты монахов будут бесполезны и нотариус Вентура, порученец Франческо, привезёт 15 ящиков с вещами кардинала.

Угуччоне, по-видимому, не без умысла завладел даже документами епископства, возможно, чтобы лишить епископа земельных владений. Но, опасаясь угроз со стороны Святого Престола, Угуччоне вернул бумаги — правда, лишь их часть, да и то в беспорядке. Потеря публичных и частных документов нанесла столь значительный урон, что неизбежно повлекла за собой крайнюю неразбериху и злоупотребления. Поскольку много документов было утеряно или погибло в огне на площадях во время празднования победы, злоумышленники могли легко узурпировать собственность, прибегая к различным предложениям, например, к отсутствию законных бумаг. От этой потери документов особенно пострадали женщины и несовершеннолетние. В связи с этим старейшины Лукки, с одобрения Филиппо да Капроны, викария Угуччоне, 3 ноября 1315 года заявили, что при отсутствии документов, доказывающих законное владение и пользование имуществом, фактическое владение и обладание им должны считаться законными. Но, вероятно, волна проблем, созданных этим разграблением, была очень мощной и продолжала оказывать влияние на земельные отношения и владения собственностью долгие годы и не только в коммуне Лукка. 4 октября 1317 года собрался Генеральный совет Лукки и поручил Уголино делле Челле, викарию Каструччо Кастракани, собрать заявления о претен-

зиях и рассмотреть их. Подобные меры предпринимались и в Пизе несколько лет спустя после изгнания Угуччоне, что отражено в документах 1319 года.

Возвращаясь к рассказу о разграблении Лукки, следует упомянуть о судьбе викария короля Роберта, Джелардо да Сан-Лупидио. Его палаццо был разграблен, а он сам, вместе с Лучио Обицци и многими другими сторонниками, сумел бежать из города. Триста семей покинули город, среди них знатные семьи Фатинелли, Гуидиччиони, Сандеи, Микели, Парута, Бартоломеи и Погги. Некоторые укрылись во Флоренции, Болонье и Венеции, другие — во Франции, Бельгии, Германии и Англии. Эти эмигранты увезли с собой такое огромное количество золота, что сумма, принадлежащая им, только в Венеции составляла более пятидесяти тысяч цехинов. Некоторые укрылись в замках Валь-ди-Ньеволе, в частности в Монтекатини, Вальдарно, а также Сан-Мартино ин Колле. Эти замки, как и другие укрепления в округе, недолго оставались безопасным местом, особенно, когда Угуччоне, после взятия Лукки, взялся за разграбление ближних и дальних окрестностей.

На третий день Угуччоне наконец запретил солдатам грабежи и, установив порядок в Лукке. В городе был установлен гибеллинский режим, а управлять поставлен Каструччо Кастракани, чьё содействию во многом определило быстрое взятие города.

После взятия Лукки и учинённой там резни и разграбления, по всей округе распространился страх. Замки и владения, ранее принадлежавшие коммуне Лукки, опасались пасть в руки гибеллинского предводителя — и не без оснований. Именно из-за этого страха Фучеччио, Санта-Кроче, Кастельфранко, Санта-Мария-ин-Монте, Монтекальволи — все земли Нижнего Вальдарно, принадлежавшие Лукке, добровольно подчинились республике Флоренции. Они понимали, что только Флоренция сможет оказать им надёжную защиту от набиравшего силу Угуччоне.

Архитектор власти

После падения Лукки, некогда сильного гвельфского города, перешедшего под власть гибеллинской фракции и оказавшегося под фактическим контролем Пизы, пизанцы предприняли важные шаги по реорганизации своей администрации и, что существенно, по усилению власти Угуччоне делла Фаджиола над собой и захваченным городом. Можно сказать, они добровольно вручили ему «ключи» к внутреннему управлению коммундой, признав его непрерываемым авторитетом. Генеральный совет Пизы, собравшись 25 июня 1314 года, постановил, что подеста и капитан отныне может самостоятельно избирать всех своих советников (*savi*) столько, сколько посчитают нужным. столько, сколько посчитают нужным. Эти сави, совместно с подестой, или даже только сам подеста, должны были проводить новые выборы старейшин, руководствуясь исключительно его желаниями как в выборе кандидатур, так и в определении их числа. Воспользовавшись этим новым порядком, инициатором которого, безусловно, был он сам, Фаджиола 29 июня постановил, что отныне у старейшин будет пять приоров: по одному от каждого квартала (два из них неремесленники, три — ремесленники), и каждый будет в должности двенадцать дней. Процедура выборов осуществлялась с помощью случайного выбора, которая была чисто техническим вопросом и на архитектуру власти в городе существенно не влияла. В целом, подобная централизация власти в руках военного лидера в период внешней угрозы и внутренней фракционной борьбы может показаться объяснимой, однако, как показали дальнейшие события, она стала шагом к утрате Пизой своих республиканских свобод. Из-за уничтожения архивов, как упоминалось ранее, точные детали этих законодательных изменений остаются туманными. Однако то, что мы знаем, свидетельствует о значительной узурпации традиционных республиканских институтов со стороны Фаджиолы.

Взятие Лукки вызвало ликование у гибеллинов Пизы. 17 июня они постановили, что в честь славной победы и доблести Угуччоне делла Фаджиолы он должен триумфально въехать в Пизу. Вечером того же дня по всему городу, особенно на площади, где располагался дворец старейшин (ныне Площадь Рыцарей), были зажжены многочисленные костры в знак праздничного веселья. А 29 июня, вознося благодарность Богу и Благословенной Деве за столь великую и славную победу, дарованную великолепному Угуччоне делла Фаджиола и городу Пиза, было решено освободить из тюрьмы всех заключённых, снять с них все обвинения и предоставить полное прощение за совершенные преступления. Важность этих амнистий для исторического анализа может быть разной, но стоит предположить, что они способствовали укреплению лояльности к Фаджиола со стороны тех, кто благодаря ему обрёл свободу и восстановил положение.

Гибеллины Лукки также не остались в стороне и устроили публичные празднества в честь победы. Даже спустя три года, в 1317 году, по указу Гуидотто Самминиятезе, викария Каструччо, капитана Лукки, и одного из десяти городских старейшин, в память об одержанной гибеллинами победе было постановлено возвести в церкви Сан-Мартино алтарь святому Виту Мученику, в день, когда была одержана победа (15 июня), и ежегодно приносить ему в этот день сто фунтов воска за счёт коммунды города.

Величина благодарности, проявленной гибеллинами к Угуччоне, становится ещё очевиднее, если рассмотреть другие последовавшие события. 10 июня пизанцы определили для него, как подесты, чрезвычайное жалование (помимо обычного), которое составляло 30 золотых флоринов в день, пока он находился вне Пизы в походе на Лукку. А 21 июня та же сумма была удвоена, и Угуччоне полагалось уже двадцать флоринов сверх обычного жалования. Четыре дня спустя к нему был назначен как рыцарь и боевой товарищ некий Ванни ди Поппи, которого должны были содержать за счёт коммунды

14 июля 1314 года между пизанцами и луккезцами был заключён союз и создана лига. На совете, созванном с этой целью, Угуччоне был избран капитаном-генералом войны и лиги Пизы и Лукки с полномочиями подесты, своей юрисдикцией и правом командовать объединённым войском. Он принял командование над армией, которая обязалась беспрекословно повиноваться. Сразу после этого избрания Джованни Каринчиони и Якопо Фачелли, пизанские граждане, объявили Угуччоне о принятых Коммуной Лукки мерах по установлению в городе мира и попросили его принять должность капитана и подесты. Это произошло у портика епископства Лукки. Угуччоне благосклонно принял должность капитана лиги и войны обоих городов, и присягнул на Евангелии добросовестно исполнять возложенные на него обязанности во славу Бога и Благословенной Девы Марии, для преумножения могущества Священной Римской Империи и процветания Пизы и Лукки. Вскоре были приняты дополнительные постановления к уже существующим условиям. Было решено предоставить Угуччоне 1000 наёмных германских солдат³³ и 500 итальянцев, или больше, в зависимости от его желания. Было установлено, что эта армия будет содержаться за счёт двух коммун совместно. Первые четыре месяца (с 1 июля по 1 ноября) Пиза брала на себя треть расходов, остальные две трети с 1 ноября в течение шести месяцев покрывались коммуной Лукки. Совет также постановил, что Угуччоне, как капитан, будет иметь восемь советников — по четыре от каждого города, и их количество могло варьироваться по его усмотрению — чтобы пользоваться их советами в военных делах. На советников были наложены обязанности: они должны были ежемесячно проводить смотр армии, проверку состояния лошадей, оружия и амуниции, в присутствии капитана и его офицеров и двух сави, выбранных старейшинами коммун Пизы и Лукки.

Представители двух городов, Лукки и Пизы, в знак союза и лиги обязались не предоставлять убежища своим мятежникам и врагам. И, наконец, было решено, что Угуччоне, в качестве капитана, получит судью, двух соратников, двух нотариев, 10 всадников и 20 лёгких лошадей или кляч. Его жалование было установлено в 6000 золотых флоринов в год, выплачиваемых совместно Пизой и Луккой. Эта сумма, разумеется, добавлялась к деньгам, причитающимся ему от Пизы. Угуччоне также был избран капитаном на десять лет, при условии продолжения войны с гвельфами; в случае мира срок его полномочий должен был закончиться, но Угуччоне сохранял своё жалование за весь год, даже если должность была бы прекращена до начала года. Последнее, что он сделал — реформировал окружное управление и викариаты, назначил своего сына Франческо капитаном-генералом и подеста Лукки и вернулся в Пизу.

Воодушевлённый достигнутыми успехами, Угуччоне задумал новые завоевания, стремясь ещё более укрепить власть гибеллинов. Оставив в Пизе своего викария Джованни Бракассоли, он выступил в поход. Его сопровождали Бестиалино Фамильяти, Чиоло Мартелли и Джованни Ритрунди, знатные граждане Пизы, а также большая часть наёмников. Они осадили Кастель ди Мотроне, который находился под контролем флорентийцев. Через несколько дней, 19 августа 1314 года, замок пал. Флоренция, осознавая грозящую опасность, запросила помощь у короля Неаполя. Это стало первой миссией нового гонфалоньера³⁴ Ванни Домини и приоров Флоренции.

Король Роберт, опасаясь чрезмерного усиления гибеллинов в лице Угуччоне, ответил на призыв. Он направил своего младшего брата Пьетро, известного как Темпеста (Буря)³⁵, графа Эболи, графа Гравины и генерал-капитана партии гвельфов в Тоскане и Романье, с отрядом в триста рыцарей. Войско прибыло в Сиену 12 августа, задержавшись там на два дня, они вновь

³³ Итал. Oltramontani, то есть из-за Альп

³⁴ Итал. Gonfaloniere di Giustizia

³⁵ Это прозвище Пьетро получил в 19 лет за быстроту и стремительность своих действий, которые компенсировали отсутствие опыта в военном искусстве.

двинулись в путь и 18 августа достигли Флоренции. Его прибытие в город под покровительством могущественного королевского рода, казалось, предвещало новое развитие событий.

Несмотря на дипломатические манёвры короля Роберта, который, казалось, пытался урегулировать конфликт, чтобы консолидировать силы для собственных задач, Угуччоне продолжил наращивать давление на гвельфские территории. Его стратегия была безжалостна: он наносил внезапные и опустошительные удары, поджигая посевы, разрушая деревни и замки, парализуя жизнь в контадо, лишая врагов ресурсов и создавая атмосферу перманентного страха. Своим наёмникам и союзным гибеллинам, включая тех, кого он вернул из изгнания и поставил у власти в Лукке, Угуччоне внушал идею о бескомпромиссной войне, где единственным исходом могла быть только полная победа или уничтожение врага.

Один из его первых шагов после захвата Лукки демонстрировал его практичность и стратегическое мышление, направленное на упрочение своего контроля. Чтобы обеспечить беспрепятственное сообщение между Пизой и Луккой, Фаджиола приказал разрушить крепости и замки, расположенные вдоль границы между их прежними территориями. В долине Серкио были снесены укрепления в Понте-а-Серкьо, Куоца и Аване, последний — совсем недавно захваченный. На луккезской стороне были разрушены замки Кастильоне Гарфаньяна, Акуилата, Кагель Пассерино и Ноццано, причем Ноццано, судя по источникам, был особенно важным узлом в оборонительной системе. Эти действия были направлены на устранение барьеров и создание единой зоны контроля под его властью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.